

ПИОНЕР

9

1980

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР,
член КПСС с 1929 года

СЪЕЗД РОДНОЙ ПАРТИИ

Есть на Валдайской возвышенности возле деревни Волгино-Верховье избушка в два окна с высокой крышей, увенчанной белой луковкой с перышком-шпилем. Избушка, как шатер, укрывает от зноя, пыли и мороза уже много веков неистощимый прозрачный родник. Чуть журча, вытекает из-под шатра ручеек, пробирается серебристой змейкой сквозь осоковые заросли, через болота и озерки. С холмов в него стекают речушки, а дальше полноводные реки, и вот уже не ручеек, а краса нашей Родины — Волга непрерывно катит свои воды через всю Россию к голубому Каспию. Самая древняя живая дорога. Могучая энергия ее вращает теперь турбины, орошает поля. Река-труженица. Река-красавица. Река, на которой родился и жил Владимир Ильич. И полюбил ее на всю жизнь.

В Ленинграде, в переулке Ильича (бывший Большой Казачий), стоит невысокий деревянный дом. В нем на третьем этаже комната не больше той избушки, что над волжским родником. В этой комнате в конце прошлого века собирались молодые марксисты — студенты и рабочие, посвятившие себя служению делу рабочего класса — революционной перестройке общества. Это был союз отважной молодой гвардии нового мира. Они называли его «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и единодушно признали своим руководителем двадцатипятилетнего Владимира Ульянова.

Этот «Союз борьбы» явился тем чистым родником, который пробивался сквозь осоку царских штыков, сквозь болота приспособленчества, неверия, невежества, и в него, как ручейки в Волгу, вливались передовые рабочие, все честно мыслящие люди России. И превратился этот родник в большевистскую партию, подготовившую и совершившую невиданную в истории человечества Октябрьскую социалистическую революцию.

У истоков партии было несколько десятков борцов. Теперь Коммунистическая партия Советского Союза насчитывает почти 17 миллионов 200 тысяч членов.

Гордое, почетное и ответственное звание — коммунист.

Коммунист познается по его делам, по его готовности быть первым там, где трудно, быть первопроходцем во всех великих и малых делах на благо народа. Коммунист носит у сердца и бережет пуще глаза свой партийный билет с изображением Владимира Ильича Ленина, под портретом которого начертаны слова:

«Партия —
ум, честь и совесть
нашей эпохи.

В.И. Ленин

Коммунистическая партия, созданная и выпестованная Лениным, служит народу и является руководящей и направляющей силой в нашем государстве.

Главный штаб коммунистов, его коллективный руководитель — Центральный Комитет КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. Дстойный продолжатель дела Ленина, товарищ Л. И. Брежнев своим неустанным трудом по руководству партией и государством, борьбой за упрочение мира во всем мире завоевал любовь и безграничное доверие народов не только нашей страны, но и трудящихся всей планеты.

Высший орган партии — съезд КПСС. Он подводит итоги пройденного этапа и определяет, как будет развиваться наша страна, наше общество дальше по восходящей к коммунизму. Решения съезда — закон для каждой партийной организации, для каждого коммуниста, какой бы пост он ни занимал.

23 февраля 1981 года в Москве соберется очередной XXVI съезд КПСС. Съезд юбилейный: это ДВАДЦАТЫЙ съезд после победы Октября. Вспомним то время. В начале марта 1918 года состоялся этот VII Экстренный съезд партии. Коммунисты говорили о мире, о том, как отстоять и защитить молодую Советскую республику.

Невозможно без волнения читать речи Владимира Ильича на том съезде. Только что был подписан «невероятно тяжелый и унижительный мир», как назвал его В. И. Ленин, с империалистической кайзеровской Германией. Страна разрушена войной, со всех сторон окружена врагами, готовыми «задушить большевизм в колыбели». Многие впали в уныние и отчаяние. Владимир Ильич считал единственно правильным выходом — пойти на такой мир, чтобы спасти, сохранить Советскую республику. Он видел глубже и дальше других. Статъя, опубликованной в «Известиях» сразу после съезда, Владимир Ильич предпослал четверостишие Некрасова: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная — Матушка-Русь!» Не скрывая трудностей и нависшей над республикой опасности, он призвал народ к дисциплине, напряжению всех сил, полному веры в то, что Советская республика, преодолев тяжкие испытания, создаст крупную машинную индустрию, перестанет быть «убогой и бессильной», чтобы бесповоротно стать «могучей и обильной».

Вдумайся, юный пионер, в эти ленинские слова, написанные 62 года назад: Советская республика должна стать «бесповоротно могучей и обильной». И она стала такой!

Мое поколение было свидетелем великих свершений, предначертанных Лениным, партией. За одну человеческую жизнь огромная страна из нищей, отсталой, неграмотной, какой была Россия, сумела превратиться в передовую индустриальную державу, в страну развитого социализма со своими гуманными законами, установить подлинное народовластие.

Величие подвига нашего народа, нашей партии особенно отчетливо ощущаешь в преддверии очередного съезда партии.

Народ встречает съезд трудовыми подарками.

Это стало доброй традицией. Подарки щедрые, от души, грандиозные, ошеломляющие воображение.

Люди, которые две пятилетки назад еще носили пионерские галстуки, сейчас уже в рядах подлинных творцов, преобразователей. Разверните в эти дни любую газету. Почитайте рапорты о трудовых подвигах, посвященных XXVI съезду партии.

Легендарный БАМ, эта магистраль от Байкала до Тихого океана, начала строиться в 1974 году. Из 3200 километров уже пройдено 1735 километров.

На пять месяцев раньше срока трудовой коллектив Зейской ГЭС укротил злую реку Зею в Амурской области. Коварная река покорила воле человека и теперь стала рекой-труженицей.

Тюменская нефть... В 1964 году были добыты первые тонны нефти, а теперь Тюменская область дает более половины добычи нефти всей страны.

Нечерноземье — новое слово, его ни в одном словаре не найдешь. Волею народа скудные обширные земли превращаются в плодородные поля.

Уникальное проникновение буровой скважины в толщу земли на глубину свыше десяти тысяч метров на Кольском полуострове... Долгожители в космосе, решающие над планетой Земля грандиозные научные и хозяйственные проблемы...

Да разве все перечислишь!

Комсомол, горячий, деятельный помощник партии, взял на себя ответственное обязательство, объявив свыше ста строек Всесоюзными ударными комсомольскими.

Наша славная пионерия всегда была вместе с партией, вместе с народом. Ведь недаром красный галстук — символ революционного единения трех поколений — комсомольцев, комсомольцев, пионеров. Каждый отряд, каждая дружина готовят свои подарки форуму коммунистов и в канун съезда будут рапортовать о своих успехах в учебе, труде, пионерских делах. И мы, коммунисты, верим, что пионеры Страны Советов достойно встретят партийный съезд, будут всегда верны заветам великого Ленина.

XXVI съезд партии впишет новую славную страницу в историю построения коммунистического общества.

Выходит с 15 марта 1924 г.	<h1>ПИОНЕР</h1>
	Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
	<h2>СЕНТЯБРЬ 9</h2>
	Москва 1980 г. Издательство «Правда»

События, о которых рассказ, происходят в городе Челябинске.

ДИСКУССИОННЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

Объявление

Если у тебя нет забот более важных, а желания поговорить и поспорить о делах классных, пионерских и всяких прочих есть, приходи!

Один, с друзьями, вместе со всем отрядом.

Мы обсуждали документальное повествование для детей и взрослых

"Человек приходит из детства".

Нам интересно и твое мнение.

И вас, товарищи взрослые, мы приглашаем принять участие в наших разговорах — важных и серьезных.

Первое слово — автору

Все события, о которых рассказано в документальном повествовании «Человек приходит из детства», не выдуманы. Герои этих событий, шестиклассники, живут в городе Челябинске и учатся теперь уже в седьмом-первом классе 109-й средней школы, в которую и я много лет назад пошла в первый класс.

И сейчас, начиная наш общий разговор, я хорошо вижу их глаза и их милые лица.

Тебя, Дима Первухин, почему-то с ведром в руках. Вместе со своим звеном ты принимаешься убирать ваш класс — кабинет литературы. Лену Лошак в живом уголке, у клетки с канарейкой Рикки. Диму Майорова на уроке зоологии — помните, он еще спросил про разницу между обменом веществ у растений и животных?

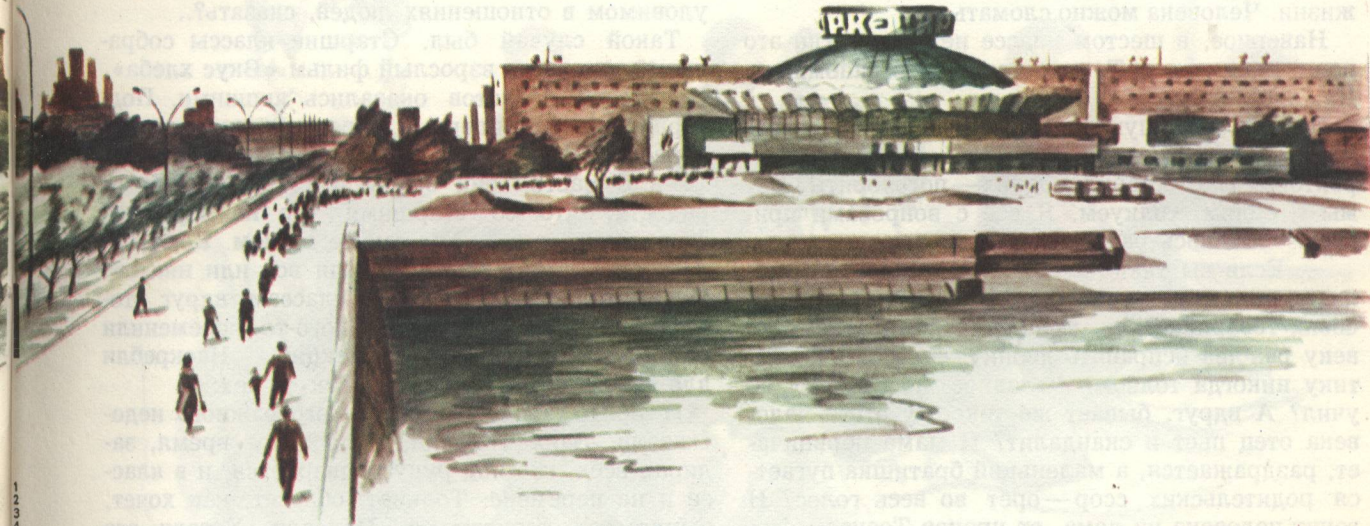
И веселый девчоночий хор «Пуговка» я вижу сейчас и слышу его задорные частушки, в которых спрятано не одно острое слово о всех вас, ребята. И, конечно же, я вижу тебя, Ванечка Тихонин, в тот момент, когда ты вскинул ввысь свой сверкающий горн, а Дима Бернатанец ударил в барабан, и Наташа Вергуленко пошла рапортовать старшей пионерской вожатой: «Отряд к торжественному сбору готов!»

Я рассказала, как сумела, и о тех днях, когда вы были просто молодцами, и о тех, что вспоминать не хочется. Такой был у нас уговор — говорить обо всем без утайки и без оглядки. Я благодарю вас за мужество, я понимаю: не так-то просто оказаться вдруг под большим увеличительным стеклом. Что ж, если ваши промахи удержат кого-то от дурного поступка, а добрые дела пусть хоть одному человеку помогут стать чуть-чуть лучше, будем считать, что мы с вами потрудились не зря.

Давайте сядем, как тогда на сборе, плечом к плечу и споем тихо вашу любимую Песню про Алье паруса. Вот так. А теперь в путь, к нашим читателям, ребятам, таким же, как вы, и взрослым, вашим друзьям...

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

2

Рисунки
С. ТРОФИМОВА.

Лия СИМОНОВА,

лауреат Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей

Человек приходит из Действа

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Часть первая

Не заслоняя солнца

Мук-стук-перестук! Здравствуйте, люди добрые! Можно к вам в гости? Какую прекрасную школу для вас отгрохали! Не школа — дворец. И для зимнего сада есть место во внутреннем дворе... Будет у вас зимний сад?

Хорошо, что я все-таки нашла вас. Я искала двухэтажный дом за оврагом... Куда подевался этот овраг?.. Сорок лет назад школа была там, в двухэтажном доме, за оврагом... Не слышали?

Ладно, об этом после. После... А сейчас здравствуйте, здравствуйте, хорошие мои друзья. И расскажите мне, пожалуйста, о себе. Какие вы? Как живете? Что любите? Что ненавидите? Что для вас «хорошо», что «плохо»? Что главное, а что так себе, обойдется?

Вопросов накопилось у меня тьма-тьмушая. Не сердитесь. Давайте поговорим...

Спрашиваю у совета отряда шестого-второго: — Если честно, какой класс дружнее, ваш или шестой-первый?

В этой школе классы отмечают не буквами — «а», «б», а порядковыми номерами. Школа большая — тысяча двести человек, и в каждой параллели по три, четыре, а то и по шесть классов.

Молчит совет. Плечами пожимает.

— Как сказать?.. У нас вроде бы дружный...

Я уже знаю: только что в этом отряде проводили выездной совет дружины. Мальчишек вызывали — «прорабатывали»: «Такие-сякие! Почему плохо учитесь? Почему прогуливаете? Почему от пионерских поручений отказываетесь? Обещайте, что больше не будете!»

Задаю я совету отряда вопрос с заковыкой — очень уж мне хочется понять этих ребят.

— Признавайтесь, у кого из вас нет человеческого достоинства?

Переглядываются. Что за вопрос такой хитрый? Отвечать или промолчать? Молчат — так спокойнее. И я молчу. Думаю, как объяснить

им, что достоинство, самолюбие, хоть и невидимо и спрятано в глубине души, есть у каждого. И у того, кто двойки получает, тоже. Ранить самолюбие, унижать достоинство — опасно для жизни. Человека можно сломать.

Наверное, в шестом классе не всем легко это понять, думаю я. Тогда надо просто запомнить. Как аксиому.

Вокруг нас шумит, мечется большая переменка, а мы на тихом островке — в кабинете директора. Нас оставили одних — поговорить. Вот мы и сидим, толкуем. Я все с вопросами пристаю — пытаюсь расшевелить совет.

— Если вы такие правильные люди, что взялись при всем честном народе судить-рядить своих товарищей, то, может, скажете: как человеку раз-два исправить двойку, если он математику никогда толком, а главное, по порядку не учил? А вдруг, бывает же такое, у этого человека отец пьет и скандалит? И мама нервничает, раздражается, а маленький братишка пугается родительских ссор — орет во весь голос? И гонит человека из дома, от уроков Тоска.

— А если этот человек всего-навсего ленился? Если он без веских причин и особых обстоятельств? Бывает, проберут и исправится?

Бывает. Двойки человек исправит. Поручение, так и быть, выполнит. Но унижения и обиды не простит.

И как обернутся потом, уже во взрослой жизни, это мимолетное унижение и вроде бы давно забытая обида, не предскажешь. Но как-то непременно обернутся, обнаружатся.

Вижу: не просто это осмыслить моим друзьям-шестиклассникам. Что ж, взрослым тоже все это кажется порой мелочами. А между тем жизнь складывается не только из значительных поступков, но и из разных разностей и суеты тоже. Самое прекрасное из всего, что люди придумали друг для друга, — это доброта и понимание. А самое острое, самое смертоносное оружие в руках человеческих — казнь обидой и унижением. Для меня это неоспоримо, как аксиома.

Обменялись мы мнениями. Вспомнили такие случаи, этакие. Попытались даже посмотреть на свои поступки со стороны. Трудно! Но все-таки добрались до такого уровня, когда оцениваешь любую ситуацию, честно, без оглядок и скидок. И видишь себя в сравнении с другими.

— Они, наверное, дружнее, — признал совет шестого-второго. — Они правофланговые.

— Почему они, не вы?

— У них успеваемость... В «Зарнице» — первое место... Больше всех макулатуры собрали... Их на линейках хвалят!

— Они еще клубные дни проводят... Осенью — «Арбузник» был, арбузы ели... Под Новый год — маскарад «Сказки в лицах»... Недавно — «Мир твоих увлечений», кто чем любит заниматься...

— У них девчонки запросто с мальчишками танцуют...

— У них и в совете отряда мальчишек навалом, а у нас один...

Выпалили все, что на кончике языка вертелось, но вижу, не все сказали. Знают они еще что-то, о чем на линейках не говорят. Да и вообще не сразу сообразишь, как об этом, едва уловимом в отношениях людей, сказать?..

Такой случай был. Старшие классы собрались посмотреть взрослый фильм «Вкус хлеба». Пятнадцать билетов оказались лишними. Подвернулся шестой-первый. Предложили шестому-первому.

— Думаете, они бросились! Без памяти от радости, что со старшими, что на взрослый фильм? Сказали: «Мы так не можем. Кому билет дать, а кого обидеть? Или все или никто». И пошли-побежали по всем классам: вдруг кто-то передумал, заболел, у кого-то переменили расписание в кружке или секции... Наскребли для всех. Сорок один человек у них.

И опять вроде чего-то самого важного недосказали. Ваня Тихонин, было такое время, задирал всех, кто под руку подвернется, и в классе и на перемене. Толкнет, обзовет, как хочет, выругается исподтишка. Надоело. Хотели его на совет дружины. Учителя настаивали. А совет отряда уперся. Ни в какую: «Что ж, плохо учиться. Зато за отряд он горой. Бузотерит — так мы ему сами всыплем, не беспокойтесь. Сами. Потому что мы его лучше знаем. Мы о нем знаем и другое: в беде не бросит. Если отряду «надо», он первый. А ум за разум заходит у всякого время от времени».

— Смотрим, в этом году он у них в отряде горнист.

Глядят на меня хитро. И у меня теперь спрашивают:

— А вы сами знаете, какой класс можно назвать дружным?

Я задумалась. На конкретном примере легче разобраться. А вот так, теоретически...

Бывает, ходит за классом слава: «способный», «интеллектуалы». Вот только Коля всех подводит. Так что ж, как говорится, в семье не без урода.

Бывает, хвалят отряд: и то они сделали и это, а спроси у какого-нибудь Пети, как зовут старушку, к которой тимуровцы ходят, не знает Петя, потому что сам ни разу не был. Иногда ребята сами считают себя дружными: попросишь списать — любой даст, бросишь клич: «Бежим с физкультуры!» — все, как один. А надо кому-то однажды встать и сказать: «Чего это вы, братцы, лупите без конца бедного Илюшку? Вы что, ошалели!» Никто не встанет. Побоятся пойти против кулакастого Сережки — Серого. Еще чего доброго сам останешься в одиночестве. Сам получишь. Да и этот Илюшка: нюни распустит — кто виноват, что хилый, пусть мускулы наращивает...

— Я все-таки знаю, — уверенно говорю я ребятам, — дружный класс, настоящий пионерский отряд там, где каждому из сорока одного хорошо живется. И отличнику и не очень хорошему ученику. И сильному и с дохлыми мускулами. И заводиле и тому, кто первым слова не вымолвит.

*В школу, как известно,
приходят прежде всего затем,
чтобы учиться.*

Сказала, а сама думаю, прикидываю: права ли? Пожалуй, права. Человек должен каждый день идти в школу с радостью.

Мне, конечно, интересно было бы проверить это мнение и вашим, дорогие мои читатели. Вы, возможно, думаете иначе?

Мем старше я становлюсь, тем больше влечет меня в мое детство. Я знаю, обратного пути нет. Но я не вернуться хочу — проникнуть в его тайну. Только оттуда, из детства, думается мне теперь, можно объяснить себя и понять другого.

Мое детство пришлось на войну. Война, разбросавшая всех в страшном вихре, вынесла нас с мамой из старинного московского дома, где жили все деды-прадеды, на окраину далекого уральского города Челябинска, в поселок Цинкового завода. Там, среди снежных буранов и долгих голодных дней, мы почувствовали было себя одинокими. Но хорошие люди пропасть нам не дали. Мама устроилась работать в поселковую жилищную контору, а я пошла в школу за оврагом, в первый класс...

Учила нас молоденькая учительница, комсомолка. Звали ее Лидия Константиновна Абрамова. Когда в классе становилось холодно даже в пальто и чернила застывали в «непроливашках», она улыбалась нам особенно часто. И

громко читала хорошие книжки, приглушая тоскливый внутренний голос голода.

Особенно нравился нам рассказ о том, как Владимир Ильич Ленин приехал на елку в Сокольники к ребятам из Лесной школы. И еще история про двух прекрасных братьев, Чука и Гека, которая кончалась такими словами: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Это были очень важные слова, и учительница посоветовала нам их запомнить. Мы запомнили.

Иногда к нам в класс приходили люди с Цинкового завода. Они приносили нам стопки канцелярских бланков и листы из бухгалтерских книг, чтобы мы могли учиться писать и решать задачки. Тетрадки в школе кончились, а на зеленовато-серых бланках чернила расплывались, но все равно мы были благодарны людям с Цинкового завода, потому что они о нас заботились.

Цинковый завод нас еще и подкармливал. На переменах нам привозили чай с булочками, свободно умещавшимися на ладошке, а иногда давали тарелочку супа с галушками, среди которых одиноко плавала капелька подсолнечного масла.

*Сорок лет назад
школа ютилась в двухэтажном доме,
за оврагом.*

Стоит мне закрыть глаза, и возвращается ко мне из прошлого бесконечная ледяная дорога, по которой мы с мамой ходили в кирсаран (так тут называли бараки у бывшего кирпичного завода) менять вещи на продукты. Последнее из того, что можно было отдать, скатерть, мы выменяли на крошечный неряшливый мешочек гороха и десяток яиц в жестяной банке из-под довоенных консервов. Мама спрятала дрожащие губы в платок, натянутый чуть ли не до самых бровей, но я все равно увидела, как запутываются в шерстяном платке крупные мамины слезы, превращаясь в жесткие ледяные шарики. Тканая белоснежная скатерть была парусом нашего московского дома, собирая хороших людей за большим столом, который никогда не складывали...

На бесконечной обледенелой дороге мне всегда хотелось заснуть. Колкий мокрый снег точил щеки и нос. Под ногами, едва приподнимаясь над землей, посвистывала мерзкая снежная пылишка, и свирепый ветер пронизывал насквозь, пробирался до самых костей. Как ужасно он выл! Протяжно и тоскливо.

Мама тащила за собой санки (в руках, чтобы не отмерзали, ничего не носили), а я плелась сзади, прутиком поддерживая поклажу. Прутик был замечательной маминой хитростью: он приковывал меня к санкам — еду нельзя было потерять.

И хотя с тех давних пор прошло почти сорок лет, я всегда просыпаюсь в холодном поту, когда вижу во сне, что есть больше нечего.

Я просыпаюсь и сразу же, словно хватаясь за соломинку, стараюсь вспомнить лицо высокого, худощавого, сурового человека, который именно в такой момент перешагнул порог нашего дома. Его звали Иван Ильич Уфимцев, и он работал комендантом в той же конторе, что и мама.

С санок, брошенных во дворе, — мы видели это в окно — он легко снял мешок картошки и пере-

нес его на спине в нашу комнату. Сбросил с плеча и поспешно исчез, не проронив ни единого слова.

Эта картошка помогла нам дожить до теплых дней. Вообще выжить.

Бегут годы, голова моя поседела, стала взрослой моя дочка, а мешок картошки в добрых руках, словно компас, ведет меня по жизни.

Всякий человек приходит во взрослую жизнь из детства. Там его корни, его истоки, его начало.

Как случилось, что столько лет мне все не удавалось вернуться в Челябинск, в поселок Цинкового завода, в школу, где я пошла в первый класс.

В обкоме комсомола мне сказали: «Зачем вам на Цинковый? У нас великий Тракторный, знаменитый Металлургический, очень интересный Трубопрокатный! И школу мы вам покажем самую лучшую...»

Нет, не надо мне иных, великих и знаменитых заводов, не надо самых лучших в городе школ.

Я пришла во взрослую жизнь из той школы, которая значится теперь в Челябинске под номером сто девятым. В самые трудные годы моего детства ребятам нашей школы помогал вырасти Цинковый завод. Я приехала к ним. Чтобы поклониться.

С этого родного для меня кусочка земли я скорее проникну в тайны Детства, здесь легче мне размышлять и говорить с моими читателями о том, какими путями-дорогами приходит человек во взрослую жизнь. И как важно ему еще там, в детстве, стать хорошим человеком.

В школу, как известно, приходят прежде всего затем, чтобы учиться. И я прошу разрешения у директора, Любови Ивановны Агафоновой, посидеть на уроках в шестом-первом. Понятно почему. Ревнивые люди из параллельного класса зря не похвалят.

Договариваюсь с классным руководителем, с учителями. Попадаю на самый первый в их жизни урок зоологии. Начинают, как положено, с простейших, с амебы обыкновенной. Нарисовали амебу на доске и в тетрадах. Выслушали (с завидным вниманием!) учителя: как амеба питается, как дышит, как размножается, как происходит обмен веществ. Глядя на рисунок, прошлись еще раз по смысловым опорам, четко выставленным учителем: «питается... дышит... размножается... обмен веществ»... Только поменялись местами: теперь учитель слушает, они рвутся высказаться — руки из рукавов выпрыгивают.

Не вижу глаз, прилепившихся к крышке парты: «вдруг меня?» Никто не прячется за спины товарищей. Отвечают со спокойной уверенностью, даже те, кто ошибается. Один мальчик со странной круглой прической «под горшок» нацепил веревку на карандаш, обернулся со своей первой парты назад: кому бы бросить «лассо»?

Поискал глазами другие глаза, отсутствующие на уроке, не нашел — успокоился. А тут как раз сосед поднялся для ответа. Посмотрел на него мальчик с «лассо» искоса, снизу вверх: «Что, мол, там у тебя интересенького?» И нахмурившись, уставился в тетрадку с рисунком: «Может, и мне что-нибудь рассказать? А что, в самом деле, разве я хуже всех?»

«Прошли» тему. Посмотрели на часы: до конца урока времени навалом. Людмила Викторовна Павличенко, так зовут учительницу, улыбнулась им, пошутила что-то насчет «амебного» состояния. Они в ответ ей тоже поулыбались, поерзали за партами. Секунда отдыха, и снова в бой: перебрались к эвгене зеленой и вольвоксу.

То ли Людмила Викторовна болела, то ли ребятам не успели на перемене сделать важные прививки, но один урок у них пропал. Теперь наверстали. Лихо! И посмотрите, как легко и, главное, недолго учить им дома этот урок: взглянули на рисунок в тетрадке, пробежались от опоры к опоре, прочитали учебник... И, пожалуиста, топай на все четыре стороны.

Разумеется, на уроке почти все зависит от учителя — от его мастерства, широты его взглядов, наконец, личных качеств: «интересно послушать», «можно высказать свое мнение», «есть возможность блеснуть перед товарищами выкопанными в книжках фактами»... Тут уж как кому повезет. Но, если быть справедливыми, нелепо утверждать, что в диалоге учитель — ученик можно обойтись без ученического слова.

Бывают классы, где стыдно признаться, что ты не читал книги, о которой разгорелся спор на перемене. Промолчишь, а после уроков побежишь в библиотеку. А иногда отношения между ребятами складываются так, что во всеуслышание о прочитанной книжке не расскажешь — чего доброго засмеют: «Подумаешь, отличник выискался, нечего выступать!»

— Чтоб два урока за сорок пять минут, — говорит Людмила Викторовна, — нужен особый микроклимат, благоприятствующий.

Что за штуковина такая, микроклимат?

Вот в Кисловодске. Из трехсот шестидесяти пяти дней в году чуть ли не треста солнечных. За горами, которые со всех сторон обступили город, ветры шумят, дожди льют, а в Кисловодске светит теплое солнышко. И воздух прозрач-

ный и легкий, как песнь свирели. И едут со всей страны сюда люди, чтобы полечить больное сердце, сосуды, легкие. Но однажды взбрело кому-то в голову позаимствовать у горы породу, из которой она сложена. Не то, чтобы гору обезглавили, но шапку сняли, и все мгновенно нарушилось. Пронесли ураганы, добрались холода. Заметались люди — скорее, скорее поправлять дело. Тонкая, хрупкая вещь — микроклимат.

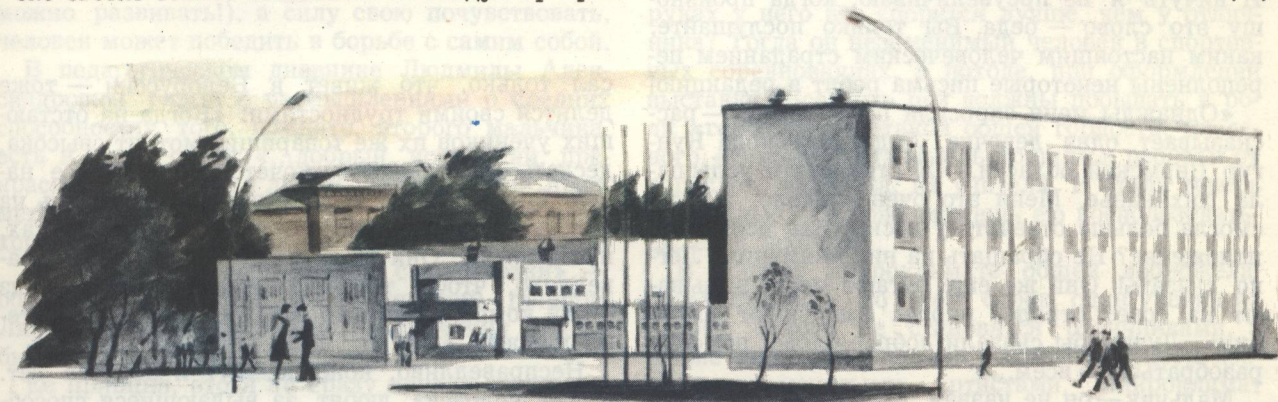
Может, в шестом-первом, как в Кисловодске с солнечными днями, из сорока одного ученика больше сорока — отличники? Отобрали в этот класс самых умных, самых способных, как в математическую школу?

На перемене заглянула я в классный журнал. Нет, картинка в журнале, прямо надо сказать, пестрая. «Пожалуйста, не обольщайтесь, — торопливо предостерегает меня Людмила Александровна Рублева, классная руководительница. — Есть очень слабенькие ученики... Пятнадцать новеньких... Тут у нас сломали кирсарай и построили квартал больших домов... Есть ленивые, у некоторых в семье не все ладно... А то, что они не жмутся, не пугаются даже когда невпопад ляпнут, так это у них такое самочувствие...»

Встречаешься с человеком, интересуешься: «Как ты? Как самочувствие?» Привычный вопрос. Но вот, представьте, приходишь в шестой-первый и спрашиваешь: «Какое самочувствие у вашего класса?» От удивления все открывают рты и валяются с парт со смеху. Вот так вопросик!

Не такой уж бестолковый, если почитать письма ребят в редакции пионерских газет и журналов. «У нас никто ни с кем не дружит, все разбились на группки, девчонки сплетничают, а мальчишки дерутся...», «В своем классе я чувствую себя чужой, и все друг другу чужие, никто ни о ком не думает...», «В школу я никогда не иду с радостью...» Страшные слова. Людям, которые изо дня в день вместе, плохо друг с другом. Они постоянно живут с общим неважным самочувствием. Какое же мироощущение вынесут они из школьных лет во взрос-

*Какую прекрасную школу для вас отгрохали!
Не школа — дворец!*

лую жизнь? Впрочем, это больше заботит взрослых. А ребят мучает неустроенность в сегодняшнем дне: «Как нам подружиться?», «Как сделать, чтобы в отряде действовал закон «Один за всех, все за одного»?..»

Ну-ка, незнакомый пока еще шестой-первый, может, ты объяснишь, как рождается отличное самочувствие для всех? Ваш особый благоприятствующий микроклимат?

Дневник педагогических размышлений классного руководителя ребята никогда не видят. Но он есть. И однажды вечером, расхаживая туда-сюда по мокрому, обледеневшему от снежного дождя городу, мы с Людмилой Александровной пришли к мысли, что не все наши взрослые раздумья надо прятать от ребят.

Ребята, не ведая того, тоже «воспитывают» друг друга — поступком, отношением, словом. Почему бы не вооружить их тем, что нам, взрослым, уже ясно?

Вот страничка, где учительница старается разобраться в сильных и слабых сторонах своих учеников. Против одной фамилии написано: «...преобладает смысловое запоминание, богатый запас слов, мысли излагает свободно... внимание устойчивое, высокий уровень наблюдательности». К тому же еще этот ученик «усидчив, много читает, умеет работать самостоятельно». И, разумеется, «программу усваивает хорошо».

Но находим и другую запись: «...Запоминание механическое, мышление среднее, внимание неустойчивое, наблюдательность недостаточная, самостоятельно работать не умеет...» И вроде бы итог: «нет уверенности в себе». Заметьте, это очень важно для нашего разговора — «нет уверенности в себе».

Теперь представим: вышел этот человек к доске и что-то забыл. Попробовал вспомнить — получилась несуразица. Но класс не ждет. Кто-то хихикнул. Кто-то бросил в товарища колючую реплику. А у него и так «нет уверенности в себе»...

Прозвенел звонок, все повскакали с парт, завертелись в круговороте дня и вспомнили о том, осмеянном, только тогда, когда принялись составлять график помощи отстающим. А человек все это время жил один на один со своей бедой. И ничуть я не преувеличиваю, когда произношу это слово — беда. Вы только послушайте, каким настоящим человеческим страданием переполнены некоторые письма ребят в редакцию!

«Однажды меня спросили по зоологии, — рассказывает одна девочка, Лида, из города Кунгур Пермской области. — Я ответила и услышала хихиканье. Меня это очень задело, и я не смогла больше отвечать у доски. Как исправить положение? Не обращать на них внимания? Легко сказать! Они же еще ругают меня, вызывают на совет отряда, иногда выпускают «молнии». Лучше бы сказали доброе слово, помогли разобраться во всем...»

Мальчик — он не назвал своего имени, напи-

сал только, что живет в Белоруссии — тоже делится своими трудностями: «Когда на отстающих учеников их же товарищи смотрят свысока, дескать, ничтожество, хочется сделать все на зло. Вообще никогда не учить уроки. Встать на голову и, на удивление всем, пройти на руках, пусть знают. Они не могут, я могу. Разве справедливо, чтобы товарищи выкидывали тебя из своей компании только потому, что память у тебя похуже?..»

Несправедливо, конечно. Тут и вопроса нет. Разве человека любят за выдающиеся способ-

*Шурум-бурум! Гремит, грохочет,
несется вскачь переменка.
Где что произошло?
Кто выступает, о чем шумит?*

ности? Разве не может быть бесконечно дорог и мил человек, который не так уж силен в математике, но всегда предан и искренен.

У всякого человека есть слабые стороны и сильные тоже. Если деликатно помочь ему слабости преодолеть (память и наблюдательность можно развивать!), а силу свою почувствовать, человек может победить в борьбе с самим собой.

В педагогическом дневнике Людмилы Александровны рядом с размышлениями о средних способностях того, помните, второго мальчика, есть и такие слова «...добрый, искренний, прекрасный товарищ... любит гуманитарные предметы, хорошо рисует, ребята относятся к нему хорошо».

— Хвалить всегда начинаю с «камчатки», — объясняет мне свой педагогический принцип Людмила Александровна, — отличники перебеются...

Ее принцип, это я не сразу поняла, уже стал

человеческой позицией ее учеников: поругать успеем, похвалить не забыть бы. Когда человека хвалишь, он становится лучше, увереннее в себе, добрее к товарищам.

Они ищут у каждого, как они говорят, его «конек». Может, он бегаёт быстрее всех? Или в руках у него все спорится лучше, чем у отличника? Тогда он незаменимый человек в спортивных соревнованиях, в походе, при оформлении выставки. Все хоть раз должны побывать в роли «героя дня», этаким общей гордости, классного «кумира». Эта мысль пришла к ребятам от взрослого человека, их учителя. И стала теперь их мыслью. Ты тоже можешь ею воспользоваться, если захочешь.

В теплом микроклимате общей доброжелательности всех ко всем сорок один ученик из сорока одного не становятся отличниками, а позже великими учеными, главными конструкторами, знаменитыми артистами. Микроклимат

Почему так властно действует на них музыка, вырвавшаяся из-под пальцев Эллы Штефан?

теплоты и дружелюбия помогает человеку вырасти хорошим человеком. Честным, трудолюбивым, добрым, внимательным к товарищам, талантливым в отношениях с людьми.

Шурум-бурум! Гремит, грохочет, несется вскачь переменка. Стоп! Внимание! Где что произошло? Кого стукнули? Что разбились-выбились? Кто выступает, о чем шумит?

Заходим с Людмилой Александровной в класс. К нашим ногам выкатывается куча-мала. Мечется, повизгивает, нас не замечает. В дальнем углу крышка парты победно отбивает такт марша. Хлоп! Мелькнули ноги-руки-головы. Стук! Головы-ноги-руки заколесили в обратном направлении...

— Вы только посмотрите на них! — в глазах учительницы страдание и гнев. — Предупреждала, что придут гости... Как с ними поступать?

И вдруг в ее глазах мелькают озорные искорки (случается, не часто, правда, взрослые неожиданно вспоминают себя в детстве):

— Знаете, с этим вообще ничего не надо делать. Сережка Тюленин и Любка Шевцова тоже не были пай-детками. Здоровые дети, когда растут, балуются. Нормально.

Она не кричит, не попрекает, вообще не замечает. И вот секунды не прошло, как разбирается само собой: руки, ноги, головы — на месте. И несколько смущенно ребята поднялись за партами для приветствия.

Что ж это — рецепт: «не замечать»? Если б они были, рецепты, на все случаи жизни! Петя прогулял урок — рецепт, Коля прогулял урок — снова вытаскиваем тот же рецепт. Как при головной боли — достал таблетку анальгина и при-

нял. Но Петя и Коля — разные люди. Петя прогулял из озорства, а у Коли жизнь обернулась домашними неприятностями... Вот и ломай голову всякий раз.

Саша Пучкин никак не мог пристроить свой портфель к месту. Брякнул было его на пол, но спохватился: портфель новый, а пол уже завозили. Поднял портфель над головой, сдул пыль и перенес его на крышку парты. Новенький портфельчик оказался на виду у всей честной публики. Бесшабашная публика, и без того уже растревоженная Сашкиной возней, принялась перво-наперво зубоскалить: «Братцы, смотрите, Пучкин обзавелся «дипломатом». Пучок, ду ю спик англиш?», «Что вы, дорогие товарищи, он не спикает. Он и по-русски с ошибками», «Пуча, признавайся, тут все свои, откуда писаная торба? Почему с ней носишься?»

Пучкин растерялся. Он не хотел привлекать к себе внимания. Он вообще любит быть в тени, по принципу: «Сам никого не трогаю, и меня пусть оставят в покое». Но как обрести покой среди этих неуравновешенных людей? Кто-то уже орал: «Чем сто раз услышать, лучше один раз потрогать». И портфель пошел по рукам. От Пилипчука к Шелкову, от Шелкова к Левченко, от Левченко снова к Пилипчуку. Не прошло и секунды, новенький блестящий портфельчик исчез внутри кучи-малы и еще через секунду вынырнул оттуда с оторванной ручкой. Повис на ниточке над разгоряченными мальчишечьими головами. И эта нить оказалась в руках у неповоротливого Андрея Пилипчука.

Девчонки, мгновенно слетевшиеся на происшествие, защебетали, наставляя мальчишек на путь истинный, а мальчишки, очумевшие от возни, набросились на Андрея: «Зачем дергал?!» Эта фраза повисла в воздухе, как дирижабль, и никто не хотел уже вспоминать, как только что сам шпынял злосчастный портфель ногами, перекидывал его через головы и разок другой дергал за ручку, а она не железная... И побрел обиженный Пучкин домой не с портфелем в руках, а, можно сказать, с недоразумением. А параллельно с Пучкиным потащился к дому обиженный Пилипчук. И вместе с ними по-

Молодец Александр — в соревнованиях победил. Ему вручат удостоверение на право стрельбы из винтовки.

катила обида к их родителям. «Как так, — воскликнули Пучкины, — новые портфели рвут? Хулиганы!» — «Мы хулиганы?» — завопили в ответ ребята. — «Мы баловались, а Андрей дернул. Пусть чинит». — «Все баловались, а наш Андрей должен отдуваться за всех?» — это уже Пилипчуки встревожились. И завертелся, размотался клубок: «Нам починенный портфель не нужен, новый подавай» — «Пусть новый, но зачем унижать ребенка? И почему на нашем сыне свет клином сошелся?» А ребята уже и думать забыли про портфель и про Андрея. И не заметили, что он пятый день в школу не приходит. Не встревожились.

Пришлось Людмиле Александровне вмешаться.

— Разве легче, когда скинешь тяжесть на плечи товарища? — сказала она. — Выходит, пусть его пригнет непосильная ноша? Всякий ли раз в общей игре надо искать виноватого? Все виноваты, так легче. Извинились бы перед Сашей, пошли все вместе в мастерскую, починили ручку и объяснили Пучкиным-старшим: «Мы не хотели. Теперь все в порядке...»

Но, как известно, самое трудное в жизни — поступать правильно. И собираются обиды по капельке в тучи. Пока не станет душно, как перед грозой. И тогда уж никто не предугадает, когда гром грянет.

Нормальные здоровые дети всегда шалят, балуются. Пусть только шалости не оборачиваются ни для кого ни болью, ни жестокостью. Запомните: ни болью, ни жестокостью.

Недавно журнал «Наука и жизнь» рассказывал о том, как еще в древности люди стремились использовать солнечную энергию. Раскопки показали, что в древнегреческом городе Олинфе дома строили так, чтобы они не заслоняли солнца друг другу. Как было бы хорошо и легко жить, если бы все люди научились строить свои отношения, не загораживая солнца друг другу.

За окном медленно угасает свет дня. Мы зашториваем окна и зажигаем маленькую настольную лампу. Этот «маленький», неяркий свет словно приближает нас друг к другу, меня и Людмилу Александровну.

Мы сидим рядышком в моем гостиничном номере, пьем чай с пирожными и шутим: «У нас в России чай пьют не только с пирогами, еще обязательно и с разговорами о работе».

И мы тоже говорим о своей общей работе: о том, как нам помогать детям вырасти хорошими людьми.

К сожалению, мы, взрослые, не всегда бываем «на высоте». Это не принято обсуждать с ребятами, хотя смысленные люди двенадцати лет, да и помладше тоже, видят нас не хуже, чем мы их. И прекрасно знают, что мы бываем раздраженными, несправедливыми, иногда даже грубыми. Так не лучше ли в ином случае не делать вид, что этого нет и быть не может, а постараться объяснить свое состояние и, может, извиниться?.. Так скорее завоеешь уважение и

Братцы! Послушайте про хомячков Мотю и Топу...

передашь свое представление о том, что такое чувство собственного достоинства.

...Растолкали человека утром, он еще не проснулся, а его уже обругали: «Вставай, не понимаешь, что я спешу на работу». Пошел человек зубы чистить и по дороге застрял у аквариума: его остановила неожиданная мысль: «Как спят рыбы? И спят ли они вообще?» А его уже обозвали «несносным эгоистом» — завтрак остыл, не подогревать же снова?!

Сел человек за парту. Слушает внимательно. Вдруг... послышался лай на два голоса. Интересно, как собаки общаются друг с другом? Как передают информацию?.. Да он не хотел отвлекаться, честное слово, так получилось. А учитель уже неистовствует: «Повтори, о чем говорили!», «Отсутствуешь!», «О чем только думаешь?»

Смешной — весьма упитанный и весьма важ-

ный — хомячок Топа совсем раскис: ничего в рот не берет, заболела его подруга, хомячиха Мотья. А товарищи с попреками: «Ну и что? Договорились идти за макулатурой, и баста! Мы что, рыжие, отдуваться?»

Целый день: «быстрее ешь», «не отвлекайся», «не шуми», «не ходи туда, поди сюда». Как же вырасти человеку Ньютоном, который увидел, как яблоко падает с дерева? Как стать поэтом, отыскавшим слова: «Как хороши, как свежи были розы?»

Человеку надо помочь выразить себя в словах, в танце, в изобретении. Тогда он поймет и почувствует, что он особенный, ни на кого не похожий. И со своим незаурядным «я» придет к другим «я», из которых складывается «мы». Чем интереснее «я», тем интереснее «мы». Надо только позаботиться о том, чтобы каждое «я» заговорило своим неповторимым голосом.

По воскресеньям, не торопясь, они снова сбегаются в школу, на клубные дни. Но класс уже не класс — кафе. Парты не парты, сдвинули по две — одна к другой, получились столики. Наполнили лимонадом бокалы, разрезали торты, испеченные девочками, и пошла-покатилась непринужденная беседа.

Какая такая сила удерживает Свету Забинкову на льду? Столько лет изо дня в день кружит в фигурном катании до седьмого пота и вечером валит от усталости... Что приковало цепями Диму Бернатанца и Валеру Левченко к неммыслимым железкам и проволочкам, из которых каким-то чудом (чудом ли?) рождаются прекрасные действующие модели? Почему так властно действует на них музыка, вырвавшаяся из-под пальцев Эллы Штефан?

«Братцы! Послушайте про хомячков Топу и Мотю. Вот дают жизни! Девчонки положили им в кормушку морковь, яблоко, семечки. Они свои мешки набили — и в домик. Сгоняли и вылезли с пустыми мешками, обжоры!» — «Да нет же, ребята, вы ничего не поняли, они не обжоры, они бережливые. Они заботятся о завтрашнем дне, откладывают продукты на потом: вдруг больше не дадут?» — «Тогда валяйте, читайте свои наблюдения вслух!» И Наташа Вергуненко с Ирой Ивановой на два голоса читают свой дневник.

Мы — это хорошо. Мы — это сила. Мы — это много «я», неповторимых, непохожих, имеющих право на свое желание и свое мнение.

Если «мы» не дает себе труда увидеть каждое «я», понять его Мысль, проникнуться его Интересом, «мы» уже не сила, «мы» просто толпа, где все на одно лицо.

Научимся уважать «я» («У тебя тренировка? Я за тебя подежурю», «Ты расстроен чем-то? Ну что ж, не ходи с нами в кино, в следующий раз пойдешь»). «Мы» от этого только выиграет. Все уважают тебя, и ты уважаешь всех. («Своих ребят чтобы я подвел, никогда». «Если ребятам позарез надо, я и тренировку перенесу и настроение спрячу».)

Люди интересны друг другу неповторимыми

Мыслями, страстной увлеченностью своим Делом, особым, отличным от других Мнением, своей собственной Песней. Попробуем ее услышать...

Что принесет Человек людям? Станет ли интересно им вместе? «Я» и «Мы» — вечный вопрос человеческой жизни. Он возникает в школьные годы.

Может быть, и вправду наш разговор за чаем принадлежит только нам с Людмилой Александровной? И все это не для детей? И забота «воспитывать» — взрослая забота?

Чай остыл, пирожные давно исчезли с тарелок, свет от лампы мерцает в тишине. Подумайте и вы вместе с нами.

В дневнике Людмилы Александровны я читаю такую запись: «Я рада, что все учителя стали отмечать у моего класса умение самостоятельно работать с книгой, обоснованность ответов, связную четкую речь. Это очень приятно, потому что сама я постоянно «борюсь» с ними. Проявилась склонность многих ребят к определенным занятиям. Надо помочь увлечениям перерасти в страсть, а потом и в дело всей жизни... Лена Истомина самостоятельно устроила всем поход в цирк. Дима Первухин очень хорошо научился распределять обязанности в звене. Ванечка Тихонин перерыл гору книг и отыскал, по его мнению, самое лучшее стихотворение. Стихотворение и правда хорошее — «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Константина Симонова. Отлично читал его на вечере поэзии. Может, он проявит себя в актерстве? Емелю он играл в спектакле бесподобно... Успехи есть, но вижу, что еще много надо поработать, чтобы сорок первый не отстал от тех, кто идет впереди...»

А рядом, буквально через несколько страничек (что сделаешь, жизнь не останавливается там, где все было так хорошо!), нахожу слова страдания и растерянности: «В классе ЧП! Сорвали урок по географии. Учителя довели до слез, а у нее муж болен. Ух, думаю, сейчас я им задам. Говорили обо всем на свете, говорили. Воспитывала я их, воспитывала...»

Вхожу в класс, сидят, как мышки, — понимают, что виноваты. Понимают, а урок все-таки сорвали. «Эх вы, — говорю, — правофланговый отряд!» И что-то такое со мной случилось, что чуть было не подкочила я к отрядному флажку и не сдернула наградную ленту. «Верните, мол, в совет дружины для более достойных». Хорошо, вовремя опомнилась. Какое имею право? Разве я присуждала им звание? Это в классе я хозяйин, а в отряде разве я командир? И оставила я их одних, пусть сами разбираются на пионерском сборе. В конце концов отряд и класс — это не одно и то же...»

Да, класс и отряд — это не одно и то же. Всегда ли мы помним об этом?

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Первое сентября

Течет
От дома к дому
Цветочный ручеек.

По случаю
Какому
Тот ручеек
Потек?

На перекрестке
Вскоре
Слились два ручейка.
И вот
Стремится в море
Цветочная река!

У школьного порога
Стоит мой первый класс.
Волнуются немного
Родители за нас.

Но мы
Без опоздания
Пришли и ждем звонка:
Впадает
В море знания
Цветочная река!

Я сплел лукошко

Так нужна корзина!
В лес идти пора.
Но из магазина
Не хочу ведра!

Я сплелу лукошко
Сам из бересты!
Бабушка,
Немножко
Помоги и ты...

Около окошка
Плел четыре дня.
Славное лукошко
Вышло у меня.

Привела дорожка
К вырубке лесной.
Ягоды
В лукошко
Скачут
По одной!

Ягодам, гляди-ка,
Нравится оно!
Вон как земляника
Прыгает на дно!

Нет,
Не понарошку,
Вправду
На весу
Ягоды в лукошке
Бабушке несусь.

Жестяной петух

Нарисовал
На жести я
Большого петуха.
Сказали все мои друзья:
Работа неплоха!

Я вырезал
Рисунок свой
Из жести
Не спеша.
Отец кивнул мне
Головой:
Работа хороша!

А наш взаврадашний петух,
Завидев пришьельца,
Бежать пустился во весь дух
От самого крыльца!

Хотел мой петушок пропеть:
«Ура! Кукареку!»
Но жестяному как суметь?
Не учен языку.

— Молчанье — это не беда,—
Сказал отец тогда,—
Он станет флюгером
Сейчас
Над чердаком у нас!

Над крышей
Встрепенулся вмиг
Петух мой!
Наверху
Стал сразу
Ветерка язык
Понятен петуху.

Наш кречет
Весть разносит вслух:
Заря,
Заря горит!
Пускай
Мне жестяной петух
Про ветер
Говорит!

Перевел с татарского
Равиль БУХАРАЕВ.

Для болгарского народа сентябрь — месяц праздничный. 9 сентября в Болгарии отмечается День свободы, а 23 сентября ваши болгарские сверстники встречают День рождения Димитровской пионерской организации «Септемврийче».

Вековая дружба связывает народы двух братских стран. Эта дружба зарождалась на легендарной Шипке в борьбе с турецкими поработителями. Эта дружба крепла в годы, когда болгарские курьеры тайно перевозили ленинскую «Искру» из Болгарии в Россию. Эта дружба стала нерушимой, когда в Болгарии в 1944 году свершилась социалистическая революция.

Сегодня «Пионер» предлагает своим читателям рассказы, которые написали вместе два писателя: болгарский — Герой Социалистического Труда НРБ Асен Босев и советский — лауреат премии Ленинского комсомола Сергей Алексеев. Эти рассказы посвящены совместной борьбе народов наших стран против фашистских захватчиков.

Асен БОСЕВ
Сергей АЛЕКСЕЕВ

ДВЕ МЕДАЛИ

Фашисты отступали все дальше на Запад. Отступали, но не сдавались. Очень тяжелые бои с фашистами развернулись на территории Венгрии. Здесь, на берегах реки Дравы, вместе с советскими войсками сражалась против общего врага и болгарская армия.

Решили фашисты на реке Драве разгромить наши войска. Составили план.

Вот этот план. Мощным ударом прорывают они наш фронт на Драве, выходят в тыл наших армий и окружают болгарских и советских солдат. «Лесной дьявол» — так назывался этот план.

Собрали фашисты большие силы. Устремились вперед, в наступление. Начались упорные, кровопролитные бои. То прорывались вперед фашисты, то отвечали ударом наши.

Во время одной из ответных атак в советском стрелковом взводе пропал вдруг боец Тарасов.

— Тарасов! — зовут солдата.

— Сергей Тарасов!

Не отзывается. Нет бойца. Был в стрелковом взводе боец Сергей Тарасов. Был. А теперь вот нет. Ясно, что-то с бойцом случилось. Может, ранен или погиб солдат. Кругом полыхает сражение.

И вдруг появляется новый боец во взводе. Смотрят солдаты — форма на бойце не советская: погоны — иные, гимнастерка — иная, сапоги на ногах — иные.

Солдаты — народ смекалистый. Смутились вначале. Но тут же к бойцу с вопросом:

— Болгарин?

— Болгарин.

Оказалось, возвращался болгарский солдат в свою часть, которая сражалась рядом с советской. В это время как раз фашисты пошли в атаку. Не дошел солдат до своих, влился в советский взвод. Оказался болгарский солдат на месте бойца Тарасова.

Даже чем-то внешне он был похож на Тарасова. Та же осанка, тот же рост, даже улыбка схожая.

«Тарасов», стали называть его наши бойцы. Хотя не Тарасов он вовсе. Петков его фамилия.

Несколько дней не утихали бои на Драве. Рвались, рвались вперед фашисты. Бросали в атаки новые силы. Однако не добились успеха. Устояли болгарские и советские воины. Сами пошли в наступление. Провалился фашистский «дьявол»!

Многие воинские части тогда отличились. И советские и болгарские. Был в героях и советский взвод, в составе которого сражался болгарский солдат Петков.

Приехал в советскую часть генерал, вручил храбрецам награды. Выкликают героев. Выходят из строя солдаты, подходят к генералу. По-

жимает генерал руку каждому, на солдатскую гимнастерку медаль прикалывает.

— Рядовой Петков, — позвал генерал.

Вот и Петков шагнул из строя. Вот и болгарский солдат с медалью.

Довольны бойцы, что побили фашистов. Довольны, что труд их солдатский боевыми наградами отмечен. А тут и новая радость в советском взводе:

— Тарасов вернулся!

— Как вернулся?! Жив и здоров?

— Жив и здоров!

И верно: вернулся боец Тарасов. Рот до ушей в улыбке.

— Почему отсутствовал? Где пропал?! — на бойца набросились было солдаты. Только хотели его ругать, да вдруг видят: висит на груди у Тарасова боевая медаль. Рассмотрели солдаты — медаль болгарская.

Ясно солдатам, ясно командирам, где пропал Тарасов.

Рядом, плечом к плечу, сражались в боях на Драве советские и болгарские солдаты. Кое-где смешались в бою солдаты. Вот и случилось так, что советский солдат Тарасов оказался во время боя в болгарской воинской части, а болгарский солдат Петков — в советской. Оба отличились они в сражении. Заслужили награды оба. Вручил советский генерал советскую боевую медаль солдату болгарскому. Вручил болгарский генерал болгарскую боевую медаль солдату советскому.

Встретились Тарасов и Петков. Встретились. Обнялись. Расцеловались.

— Дело общее, — сказал Тарасов.

— Дело единое, — сказал Петков.

Блестят у солдат на груди медали.

Мы сами эти медали глазами своими видели.

АЛЕША

Много советских солдат прошло по земле Болгарии. Болгарский народ с благодарностью назвал их освободителями. Советская Армия гнала фашистов до самого Берлина. Солдаты Советской Армии вернулись на родину победителями. Но на полях сражений остались лежать их боевые товарищи.

Вернулись домой и те солдаты, которые освобождали Болгарию. И все же один солдат остался в Болгарии навсегда. Один советский боец-богатырь. Боец-великан.

Во весь свой огромный рост стоит он на Холме Свободы в городе Пловдиве. Это памятник героизму, памятник братству.

Народ назвал его Алешей.

Стоит Алеша на вершине холма с винтовкой в правой руке, опущенной после боя, в солдатской пилотке. Лицо его спокойно и мужественно. Стоит он на самом видном месте, так как велик был подвиг его.

Хотя Алеша и из гранита, но народ любит его как живого героя-победителя, как родного брата, как верного друга, как самого близкого для них человека.

Непрерывен людской поток к холму, где стоит Алеша.

Маленький Светлозар тоже пришел к Алеше. И Любка пришла, и Лиляна, и Тодор, и Стефан, и Стоян, и Арсо, и Ангел.

Тут же со всеми стоит Ивайло.

Обступили ребята Алешу.

— Здравствуй, Алеша! — сказала Любка.

— Здравствуй, Алеша, — сказал Светлозар.

Посмотрел на друзей Ивайло.

— Да он же не слышит, — сказал Ивайло.

— Нет, слышит, — сказала Любка.

— Нет, слышит, — сказал Светлозар.

Положили дети к ногам Алешы цветы.

— Это тебе, Алеша, — сказала Любка.

— Это тебе, Алеша, — сказал Светлозар. Посмотрел на друзей Ивайло.

— Да он же не видит, — сказал Ивайло.

— Нет, видит, — сказала Любка.

— Нет, видит, — сказал Светлозар.

Рассмеялся Ивайло:

— Да он же из камня. Не видит он ничего, не слышит.

Рядом стояли взрослые люди. К взрослым обратился Ивайло: мол, разрешите спор, кто прав, кто не прав. Задумались люди.

— Видит и слышит, — сказали люди.

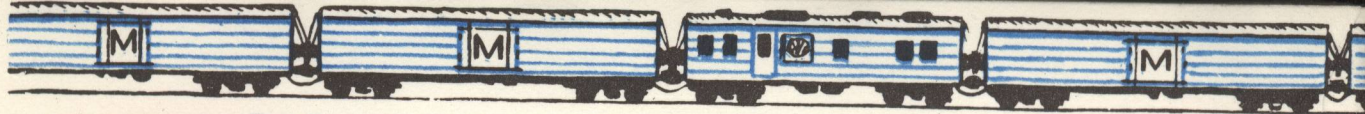
— Здравствуй, Алеша! — сказали люди.

— Здравствуйте, люди! — сказал Алеша.

Смотрит удивленно Ивайло вверх на Алешу. Касаясь неба, стоит Алеша.

Рисунки В. ДОНСКОВА.

Сегодня мы в Министерстве путей сообщения СССР. Наш рассказ о профессии железнодорожника.

С каждым годом все больше в нашей стране стальных магистралей, все совершенней и быстрее поезда. В самые отдаленные концы Отчизны добираются железные дороги. А для работы на них нужны знающие, образованные специалисты. Может быть, ты тоже поведешь новенький, блестящий электровоз, может, будешь сидеть за автоматическим пультом управления поездами. Какие дороги ждут тебя? Какие специальности?

Об этом расскажет тебе министр путей сообщения ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ПАВЛОВСКИЙ. В разговоре с ним принимают участие журнал «Пионер» и ребята с Кратовской детской железной дороги.

СТАЛЬНЫЕ ДОРОГИ ОТЧИЗНЫ

— Иван Григорьевич, расскажите, пожалуйста, как меняется сейчас работа железнодорожника? Какой она будет, когда на транспорт придут сегодняшние читатели «Пионера»?

— Меняются, очень меняются привычные железнодорожные профессии — машинисту сегодня нужно уметь прочесть электрическую схему локомотива, самому, скажем, находить оптимальный режим ведения поезда и, если необходимо, устранять неполадки. Дело в том, что уже сейчас движением поездов начинают «дирижировать» ЭВМ, — электронно-вычислительные машины, и железным дорогам будут нужны специалисты, знающие «язык» электроники.

Все больше в нашей стране дорог, по которым мчатся электровозы. Сегодня протяженность таких дорог равна длине экватора. Становятся все более мощными электровозы. Создается даже электровоз, который будет водить поезда весом в девять тысяч тонн. А это потребует от машиниста новых знаний, умений, больше опыта.

Когда журнал «Пионер» читали я и мои сверстники, на железных дорогах было

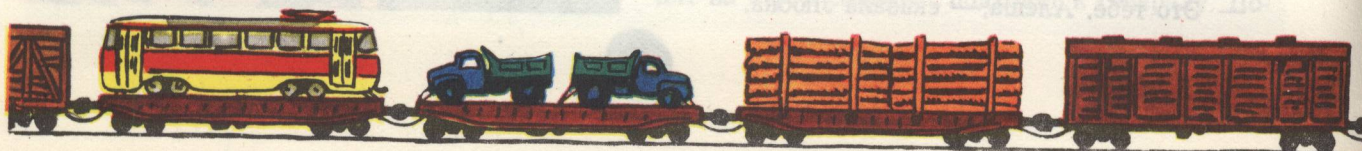
много таких профессий, о которых мальчики с Кратовской дороги наверняка и не слышали. Были чистильщики топок, кочегары, котельщики, а сейчас и паровозов-то почти нет... Нет тормозильщиков вагонов, даже стрелочников становится все меньше: автоматы постепенно заменяют их труд.

Так что, вы видите, нам очень нужны современные грамотные специалисты.

— Иван Григорьевич, а какие новые дороги появятся на карте нашей страны?

— В десятой пятилетке строится 3400 километров новых железных дорог. И почти все они будут связаны с освоением новых районов, новых нефтяных и газовых месторождений на Востоке, в Сибири, потому что в развитии этих районов транспорт играет очень большую роль. Открывается новое месторождение — его необходимо разрабатывать, доставлять туда оборудование, людей. Строится новый город — нужны дороги, которые свяжут его со страной.

В следующей пятилетке вступит в строй Байкало-Амурская магистраль. Стальные магистрали Сургут — Нижневартовск и

Сургут — Уренгой свяжут нефтяные кладовые с центральными районами.

Мы мечтаем и о строительстве железных дорог, ведущих к тем городам, куда сейчас только самолетом можно добраться.

В основном, это относится к городам Сибири, Востока.

Природные богатства здесь несметные, железных дорог пока мало. А создание крупных современных промышленных комплексов немыслимо без железных дорог.

— Иван Григорьевич, вы уже говорили о БАМе, но, наверное, ребятам хотелось бы узнать о магистрали подробней...

— Уже идут по БАМу составы с углем, который добывают горняки Южной Якутии. Спешат из Москвы в Тынду пассажирские поезда. Вступает в строй участок дороги, по которому с запада можно будет проехать к Комсомольску-на-Амуре...

А на участке Тында — Беркамит трудятся бойцы Всесоюзного отряда молодых железнодорожников. Они стараются, чтобы дорога работала так же по-ударному, как она строилась.

— Иван Григорьевич, а все же, где на железнодорожном транспорте нужнее всего молодежи?

— Молодежь нужна везде. Нужны люди с хорошим, сильным характером, увлеченные своей профессией, люди, которые не боятся трудностей, трудных строек, трудных дорог.

Недавно завершены новые дороги — Белорецк — Карламан на Урале, Краснодар — Туапсе на юге, ряд линий в Поволжье, северных и восточных районах страны. Дороги вступили в строй. И везде уже трудится молодежь, осваивает новую технику, новые профессии.

Ждем молодежь и на новых электрифицированных дорогах, о которых мы уже говорили.

С каждым годом меняются, совершенствуются способы перевозки грузов. Мы возим все. Руду и хлеб. Химические препараты и станки. Автомшины, лес, металл. Наше сложное хозяйство все время обновляется, приспособляется к тому, чтобы быстрее, больше перевезти грузов. Вы наверняка обратили внимание, как по железным дорогам перевозят легковые автомобили — в два

яруса. И другие грузы — уголь, руду, зерно, цемент — мы стараемся перевозить быстрее, придумываем специальные конструкции, чтобы в пути груз хорошо сохранился.

На всех участках работы нужна нам молодежь. У нас есть дорожно-технические школы, профессионально-технические училища, техникумы, институты, в которых вы можете получить специальность, ту, которая вам нравится.

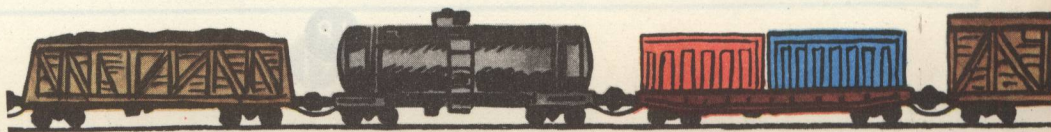
— Иван Григорьевич, расскажите, пожалуйста, а как вы стали железнодорожником?

— Мой отец работал грузчиком на станции, в маленьком городке. Мы, мальчишки, каждый раз, когда приходил пассажирский поезд, прибежали на вокзал. Для нас это был настоящий праздник. Меня тянули поезда, железные дороги.

Потом закончил семилетку, задумался, куда же поступить?.. И решил стать железнодорожником.

Работать мне пришлось и стрелочником, и билетным кассиром, и начальником станции.

Мне кажется, на железной дороге любая работа интересна. Например, ты,

дежурный по станции, видишь поезд, который сам сформировал,— это же так здорово!

На детских железных дорогах ребята постигают все это. Работают машинами, дежурными по станции, диспетчерами...

— Иван Григорьевич, многие школьники занимаются на детских железных дорогах. Помогает ли это им выбрать свою профессию?

— Честно говоря, я жалею, что когда был мальчишкой, не было таких детских железных дорог. Сейчас ребята на них получают и знания и хорошую трудовую закалку. Какой бы путь в жизни они потом себе ни выбрали—обязательно это пригодится. Но, конечно, большинство мальчишек и девчонок, прошедших эту школу, становятся железнодорожниками.

Александр-Артемьев совсем недавно обучался на Горьковской детской железной дороге, а сейчас—опытный машинист тепловоза. Игорь Иванович Орфьев, почетный железнодорожник, наставник молодежи, орденосец начинал свой путь на Кратовской детской дороге.

Сейчас в стране 44 детские дороги, на каждой учатся несколько сотен, а на некоторых даже больше тысячи мальчиков и девочек. Очень многие из них потом приходят с «маленькой» дороги на большую, настоящую. На всю жизнь сохраняют они любовь к железной дороге, преданность этой работе.

Может быть, у вас, ребята с Кратовской детской железной дороги, есть какие-то просьбы, вопросы, пожелания?

— Иван Григорьевич, я машинист на нашей детской дороге. Очень уж старые у нас локомотивы, вагоны. Мы, правда, их ремонтируем, перекрашиваем каждый год. Но, конечно, мечтаем, чтобы техника была поновее. Нельзя ли попросить об этом наших шефов из депо Москва-Сортировочная?..

— Хорошо, ребята, я обязательно попрошу ваших шефов помочь вам. Еще есть просьбы?

— Иван Григорьевич, и капитального ремонта на нашей дороге давно не было, хотя существует она с 1937 года. Я дежурный по станции и очень люблю свою работу. Наш инструктор говорит, что работа де-

журного очень важная—всей станцией руководишь. А пульт у нас устаревший—без конца что-то заедает. Не могли бы вы нам помочь?

— Конечно, я постараюсь помочь вашей детской железной дороге. Мне очень приятно, что ребята следят за новой техникой, автоматикой. Профессия железнодорожника очень ответственная, требует глубоких технических знаний, хорошей подготовки. Каждому, кто мечтает работать на транспорте, нужно прежде всего хорошо учиться, быть трудолюбивым. И, конечно, нужно воспитывать в себе любовь к Родине, преданность делу Коммунистической партии.

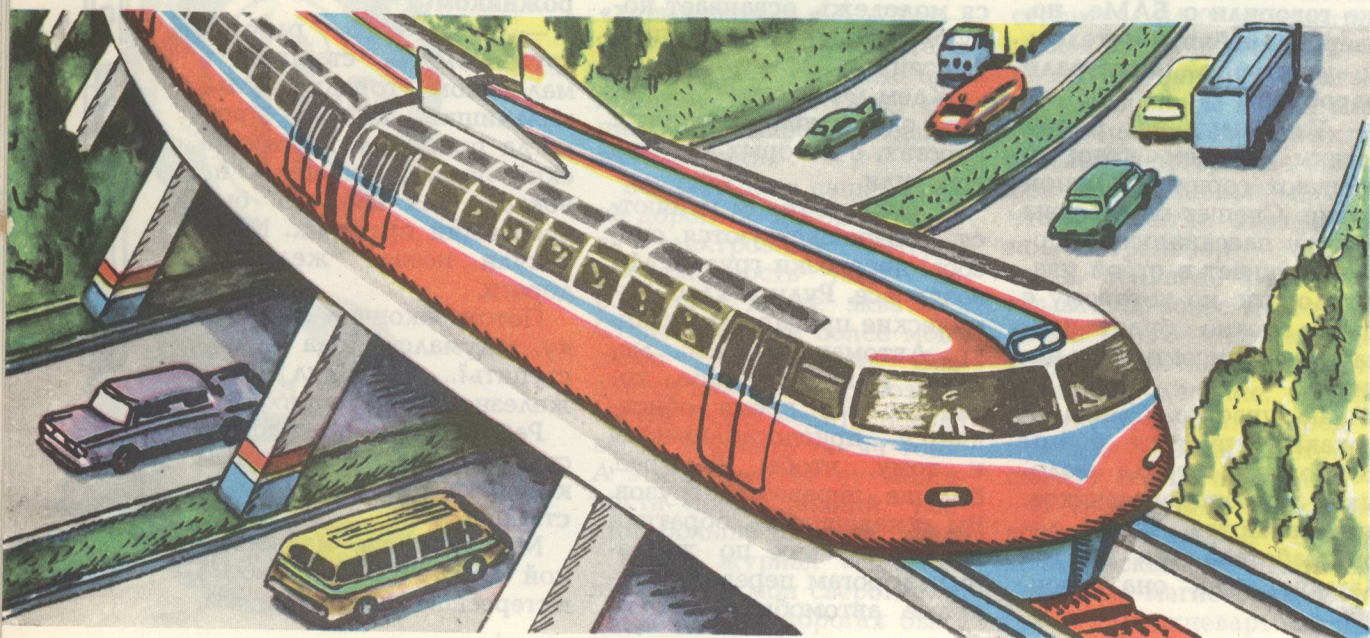
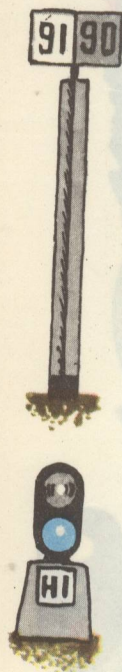
От редакции:

Ребята, напишите нам, кто из вас хочет быть железнодорожником? Кто уже сейчас работает на детских железных дорогах? Расскажите о них.

Мы ждем ваших писем, ребята, ваших вопросов к министру.

Напоминаем наш адрес: 101459, ГСП, Москва, Бульварный проезд, журнал «Пионер».

А на конверте напишите: «Письмо министру».

Рисунки Н. ЕРМОЛАЕВА.

Тынду строят москвичи

На этом снимке Тында — столица БАМа. Всего шесть лет назад здесь, на берегу таежной речки, стояли только бревенчатые избы маленького поселка. По призыву партии и комсомола сюда приехали тысячи молодых людей со всех уголков страны. Отсюда ушли первые строительные десанты. К будущим станциям тащили они по льду замерзших рек на бульдозерах горючее, технику, жилые вагончики. Вязли в сугробах и грелись у костров. Прорубили первые просеки и через тайгу и болота прокладывали железную дорогу — Байкало-Амурскую магистраль.

Шесть лет прошло. Тында стала многоэтажным городом с удобными жилыми домами, школами, клубами и пионерскими лагерями в тайге, на берегу таежной речки Лапри.

На БАМе работают посланцы всех союзных республик, краев и областей нашей Родины. Грузины возводят станцию Ния, молдаване — Алонку, ленинградцы — Северобайкальск... А Тынду строят москвичи.

В этом совсем юном еще дальневосточном городе есть улица Красной Пресни и микрорайон Сокольники. И кварталы девятиэтаж-

ных домов похожи на новостройки Москвы. А жители Тынды по-прежнему строят магистраль. БАМ все дальше отдалается от своей столицы, которая превратилась уже в шумный железнодорожный узел. Идут отсюда составы во всех направлениях. И даже из Москвы в Тынду можно попасть обычным пассажирским поездом.

Для чего нужна Байкало-Амурская магистраль?

К востоку от Тынды будут добывать оловянную руду. Северная ветка БАМа, которая уже сдана в эксплуатацию, опирается в Южно-Якутские месторождения коксующегося угля. А к западу от Тынды геологи разведали залежи медных и железных руд, свинца, цинка, слюды, асбеста, апатитов...

Когда вы станете взрослыми, Байкало-Амурская магистраль будет уже построена и настанет черед возводить на БАМе горно-обогатительные комбинаты, гидроэлектростанции и, конечно, новые города в тайге. Такие, как Тында.

В. СУНГОРКИН.

Фотография А. ЛЕХМУСА.

Ануарбек ДУЙСЕНБИЕВ

ПАМЯТНИК УЧИТЕЛЯМ

Вам
Памятник,
Учителя,
Я высек бы
Из красного гранита.
Установил бы
На просторе я
Большое человеческое сердце,
Что всем ветрам
И всем лучам открыто —
Вам
Памятник,
Учителя!

Перевел с казахского
Раим ФАРХАДИ.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ УРОК

Летние дороги кончились у сентябрьского причала.

Уютное здание школы стоит перед тобой, как корабль, готовый к плаванию.

Тыходишь вместе со своими друзьями в большую каюту — класс. У входа стоит твой наставник, твой капитан — учитель.

Давай первый урок посвятим ему.

Пение

«Ребята! У нас в школе организуется капелла. Тех, кто любит и хочет петь, мы приглашаем записаться».

С этого необычного объявления началось наше знакомство с учительницей пения Натальей Семеновной Дубиной.

Капелла — легкое, невесомое слово. А

труд, связанный с этим словом, — тяжелый. Длинными были репетиции, непростыми первые шаги в царство Песни. Но приходил праздник — концерт. Наталия Семеновна выходила на сцену и поднимала свои легкие руки. Взмах... и рождалась песня.

Наталия Семеновна очень веселая. Она умеет зажечь. Наши уроки начались с града вопросов: «Что будем петь? Играть во что? И музыку послушаем?»

Главное, в Наталии Семеновне нет равнодушия ни к одному из своих учеников. Самые отчаянные головы нашего класса на ее уроках, забыв про шарики из промокашки и морские бои, самозабвенно поют.

Юля Цеханович,
школа № 601, г. Москва.

Провалились в болото — не беда, промокли сапоги — и это еще не беда. Поход — просто радость.

Сколько было еще походов с ним и на лыжах и пешеходных!

Мы никогда не чувствовали разницу в возрасте, он не давал ее чувствовать. Не поучал свысока. Добродушно относился к нашим розыгрышам, смеялся вместе с нами.

Я говорю об Алексее Александровиче Мазанове «был», потому что его уже нет. Присел в школьном кабинете на стул и умер — инфаркт. Какая-то особенная несправедливость в смерти учителя. Ведь учитель — наше детство.

Юля Черткова,
спецшкола № 23, г. Москва.

Перед именем твоим Справедливый человек

Алексей Александрович Мазанов, подполковник в отставке, преподавал у нас начальную военную подготовку. Урок всегда вел в военной форме с наградами. Сначала мы удивлялись, потом оценили его уважение к предмету и к нам.

Прошлой осенью мы участвовали в соревнованиях по ночному ориентированию. Дождь словно ждал, когда мы сядем в электричку, и закончился через сутки, вернувшись вместе с нами в Москву. Дороги раскисли. Ни звезд, ни луны. Нам нужно было найти восемь контрольных костров, разбить палатки и сварить ужин. Мы были уверены, что справимся с заданием, а если придется трудно, Алексей Александрович нам поможет.

Иван Федорович Никитинский — наш учитель труда. Чего он только не умеет, чего только не знает: здорово работает на всех станках, которые стоят в нашей мастерской, серьезно увлекается археологией, отлично знает английский язык.

Иван Федорович — справедливый человек. Спорят ребята, кому делать ручку для напильника, а кому работать на винторезном станке, Иван Федорович всех успокоит, каждому даст возможность поработать там, где ему хочется.

Мне кажется, что все ученики Ивана Федоровича будут хорошими токарями и хорошими людьми.

Виктор Захаров, школа № 4,
г. Вельск, Архангельская обл.

Лена САМОЙЛОВА сочинила стихи про свою школу. Живет Лена в городе Горьком, учится в школе № 36, в восьмом классе.

Школа

Добрый дом...
Веселый и просторный.
Я иду сюда не первый раз.
Здесь звонок то грустный, то задорный
Зазывает на уроки нас.

Здесь и труд упорный и веселье,
Здесь мы ждем открытий каждый час.
Каждый год справляет новоселье
Самый младший первый школьный класс.

С каждым годом ближе расставанье.
Жизнь идет, за годом новый год.
Это не урок по расписанию,
Каждого своя дорога ждет.

Вспоминать мы будем временами
И грустить о школе иногда.
Что бы ни случилось в жизни с нами,
Не забудем школу никогда!

*

Ксюша ДРАГУНСКАЯ — москвичка, шестиклассница. «Стихотворение, которое я посылаю тебе, «Кораблик», обсуждалось у нас в литературном кружке, и оно почти всем понравилось, даже самым вредным. Но я все равно за него волнуюсь», — написала нам Ксюша.

Про осень

Как рассказать, что осень наступила?
Мы можем показать вам летнее кафе,
Закрытое надолго.
Мы можем показать листок,
К столу прилипший,
И рынок: астры, антоновские яблоки...
И девушку. Она метет крыльцо,
Рукою листья желтые сгребает,
Она прекрасно понимает,
Что горстка листьев — это осень,
И прячет в листьях мокрое лицо.

Наташа КАШКИНА — шестиклассница из города Воронежа.

Не так легко поверить

Меж прошлым и настоящим
Нет никакого сравнения.
Раньше был светилом
Тусклый огонь свечи.
Ну, а теперь, конечно,
Людам не нужно свечек —
Светятся ярко лампы,
Только включи.
Никто тогда не ведал,
Что же такое космос?
Думали все, что небо —
Купол из хрустала.
Ну, а теперь с космодрома
К звездам летят ракеты,
И улетают все дальше
Они от планеты Земля...
Вот пролетят столетья,
Лет через двести — триста
Станет все это прошлым,
Станем предками мы.
И полетят в ракетах
Уже другие ребята
К новым далеким звездам
В новые миры.
Не так легко поверить,
Но все равно поверь ты,
Но все равно представь ты,
Что через много лет
К нам прилетят в ракетах
Просто на чашку чая
Поговорить о жизни
Люди с других планет.

*

СТРАШНАЯ СКАЗКА.

Рисунок Иры МАШАЛОВОЙ, 6 лет.

РОССИЯ. *Рисунок Андрея РЕПРЕВА, 13 лет.*

Зое ЛЯШКОВСКОЙ 13 лет, живет она в Омской области в селе Увало-Ядрино.

Урожай

Прислушайся у поля —
Звенит, поет оно.
И колосок роняет
Янтарное зерно.

Наш агроном колхозный
Возьмет тот колосок,
В мозолистых ладонях
Тихонечко потрет.

Услышит звон пшеницы
И шелест ветерка...
И золотою станет
Рабочая рука.

* * *

Вечер. Быстро темнеет.
Потухают глазастые окна домов.
Тихо шепчутся липы.
Сонно смотрят березы.
Спит, надвинувши шапку пониже,
Мухомор среди старых дубов.

*

Лида ГУЛЯЕВА, пятиклассница, свое стихотворение посвятила бабушке. Лида живет в городе Тюмени.

Письмо бабушке

Я бабушке пишу письмо,
Как летом отдыхала я,
Как в речке я купалась,
Цветы как собирала,
Как поздно спать ложилась,
Как чай пила за столиком,
Как сказку слушала тихонько
И как спала...

*

А это стихи москвички Нади ЕФРЕМОВОЙ. Она вспоминает каникулы...

Рыбалка

Я помню день. Рыбалка.
Слежу за поплавком.
И пролетает галка
Над низким бугорком.
Внезапно увидала:
Запрыгал поплавок!
Я удочку достала,
А на крючке — бычок.
Над ухом раздавалось
Гуденье комара.
И в памяти осталась
Беседа у костра.

«Я написал юмористический рассказ и решил послать его вам. Это мой первый рассказ». Олег МАЛЬКО. Москва.

Доклад о дружбе

Староста класса Виталик сказал:

— Сейчас, как я вчера говорил, мы проведем небольшой сбор. Сначала Саша Муханов объяснит свое поведение, а потом Вася Шестов прочтет доклад о дружбе и взаимопомощи.

— За что меня разбирать? Что я сделал? — возмутился Саша Муханов.

— Как что? — Виталик приблизил листок, который держал в руке, к своим близоруким глазам. — Ты в среду не сделал домашнего задания по физике, химии и алгебре. Короче, по всем предметам. Нагрубил учительнице. Может, у тебя случилось что?

— Ну... Так...

— Говори, говори... Мы тебя слушаем.

— «Спартак» проиграл, — признался Саша.

— Значит, если «Спартак» проиграл, можно не делать уроков? — возмутился Виталик.

— А он проиграл неправильно! Удалили неправильно. И солнце им в глаза било. А то «Динамо» досталось бы!

Виталик хотел что-то сказать, но его голос перекрыл бас Васи Шестова.

— Подножка была! Правильно удалили.

Сашка так и взвился:

— Много ты понимаешь!

Класс разделился на два лагеря. Еще чуть-чуть, и вспыхнет драка. Может, и не вспыхнет... И тут Виталик неожиданно крикнул:

— Все равно ЦСКА лучше играет!

Что тут началось! Неизвестно, что стало бы с нашим старостой, но вдруг раздался пронзительный крик. Кричал Вася Шестов:

— Не буду я читать доклад о дружбе и взаимопомощи!..

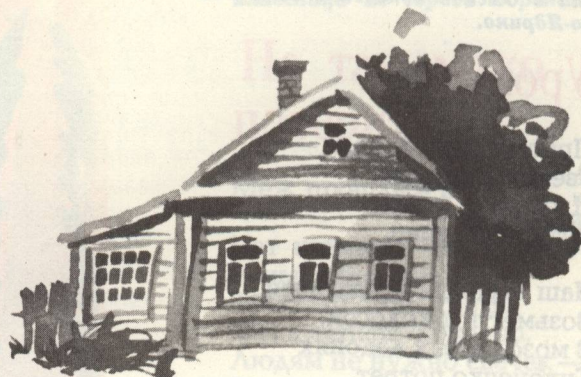
Ребята выскользнули из класса, оставив Виталика одного...

БОЙ СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 8.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Алик плюхнулся с разбегу в воду и, задохнувшись от холода и радости, поплыл. Подводная трава легко цеплялась, словно длинные зеленые пальцы водяного. Он выбрался на середину, опрокинулся на спину и, ослепленный пльвщим над ним в пустынном синем небе солнцем, нырнул опять в прохладный сумрак.

Гольцев уже выбрался на противоположный берег. Он плавал лучше и был сильнее. Алика он опередил даже, наверное, не задумываясь о том, что опережает.

Улегшись рядом с ним в горячий песок, Алик на несколько блаженных минут замер. Девочки остались на том берегу. Они старательно, словно выполняли какую-то важную работу, загорали на своих полотенчиках.

— Сегодня фильм вечером замечательный... За полтора часа — восемнадцать драк. И любовь. Как раз для Ритки. Она будет счастлива.

— Она любит такие фильмы? — Алик повернулся на живот: сквозь песок пробивались редкие травинки, какие-то букашки важно суетились, не обращая на них внимания.

— Конечно, любит. Почему бы ей их не любить? — засмеялся Сашка. — Я, честно говоря, удивился, когда ты в прошлый раз так на нее налетел. Хорошая девчонка. Ну, глуповата. Но ей, может, и не надо быть умней.

— Не надо?

— Не надо.

— Слушай, почему ты так говоришь? — с интересом спросил Алик. — Ведь вы же дружите?

— Дружим? — словно чему-то удивляясь, переспросил Гольцев. — Да, дружим. — Согласился он. — Мы со всеми дружим. Я не люблю кого-нибудь не любить. Это очень неприятно. Приятно, когда ты ко всем относишься хорошо. И все так же относятся к тебе. Поэтому я и не могу заниматься перевоспитанием своих знакомых. Это вредит добрым отношениям. А ты случайно... — Сашка, улыбаясь, посмотрел на молча жующего травинку Алика, — стихи не пи-

шешь? В такую толстую общую тетрадку? Хранишь ее под подушкой? И перед сном вспоминаешь, что совершил за день хорошего, доброго, полезного?

Алик насупил, собираясь обижаться. А Сашка рассмеялся.

— Серьезный, серьезный человек... — он толкнул его в бок.

Алик против воли улыбнулся. Глядя на смеющегося Гольцева, он удивился: как тому удастся действительно никого не обижать. Вот сейчас он смеется над ним, Аликом, а ему не обидно. Почему у Гольцева все получается легко и просто?.. У него есть магнитофон, велосипед, которому позавидовал бы любой мальчишка. Ему покупают мотороллер и такие джинсы, какие ему хочется. И он относится к этому спокойно, словно не обращает на всю эту ерунду внимания. Он несколько не заносчив. И его действительно все любят. И он, Алик, кажется, тоже.

— Если до-олго мучиться-я, что-о-нибудь полу-учится... — дурашливо пел Гольцев, ставшая размышляющего Алика в воду.

— Ну ты силач! — барахтаясь в воде, против воли восхищенно пробормотал Алик.

— Представь себе, — скромно, но с достоинством произнес Гольцев. — Морду могу набить любому... Третий год в секции занимаюсь. Но я... — Сашка торжественно поднял вверх указательный палец. — Этим ни-ког-да не поль-зуюсь. Мне достаточно того, что знаю: я сильный.

Косы у Лены были завязаны белой косынкой. «Действительно, есть у нее такая косынка», — удивленно подумал он про себя. От загара кожа у нее стала еще темней и ровней. Еще светлей стали волосы и синей глаза.

Сашка умчался вперед, его велосипед легко, без дребезжания попрыгивал на толстых, протянувшихся поперек лесной дороги темных корнях сосен. А они ехали медленно. Лена первая увидела в траве возле дороги словно рассыпанные красные ягоды.

— Попробуй! — она протянула ему ладонь с горсткой ягод: темно-красных и с белыми боками в розовых подпалинах. — Алик наклонился к ее руке, пахнувшей земляникой. «Почему я ду- мал, что она мне не нравится?»

Возле узкой двери, ведущей в «зрительный» зал, как пчелы у входа в улей, клубком вились малыши, протягивая ладоши с зажатыми монетами. Они нетерпеливо ждали, когда киномеханик, все тот же парень в неизменных тренировочных штанах, пропустит их в зал. Величаво равнодушный, он опускал монеты в объемистый кошель и, пересчитывая легким движением затылки, пропускал в зал.

«Сеня, привет!» — бросил ему Сашка. Небрежно сыпал в кошель мелочь и прошел с девочками вперед. Алик задержался.

— Сеня, — как можно спокойнее начал он. — Не слишком ли много ты берешь за билетки? Может, хватит малышня обирать?

С тем же неизменным равнодушием, нисколько не меняясь в лице, Сеня поднял на него глаза, как будто только заметил, что рядом кто-то стоит.

— Проходи в зал, — спокойно сказал он. — Проходи. Понятно?

— Пошли, пошли! — вернувшийся Сашка тянул его за руку. — Ну что ты опять за свое? Не занудничай. Вот хлопоты с тобой, право слово.

Крепко держа пытавшегося вырвать руку Алика, он усаживал его рядом с собой, как маленького.

— Ну что ты пристал к нему? Пусть живет человек. Что тут особенного.

— Ничего, — разозлился Алик. — Ты тоже стал бы так делать? Ведь ничего особенного нет?

— Ну, я... — усмехнулся Сашка. — Скажешь тоже. Я — одно дело. А он — совсем другое.

— Тише вы, — зашикали на них сзади. По экрану уже плыли титры.

Мухоморы плодились с невероятной быстротой. Как красные теннисные мячики в крапинах известки, они выгладывали из травы и у крыльца и у калитки. Их трудно было сшибить, они пружинили и отталкивались, как резиновые. Странно было думать, что они никому не нужны, такого радостного вида, откуда-то далеко из детства — красное и белое — они были. Когда Алик натянулся на них взглядом, почему-то становилось весело, как перед новогодней елкой или утром в день рождения.

— Я тебя провожу, мам. — Алик, чтобы сократить время спора, взял мать за руку.

— Это еще зачем? — заволновалась она. — А потом один будешь возвращаться домой? В темноте! Нет, нет, нет. — Мама присела на крыльцо, как будто так у нее появлялась уверенность, что ее с места не сдвинут.

— Провожу. — Алик не собирался спорить.

— Ну, хорошо... Только сразу возвращайся! Нечего по вечерам разгуливать...

— А то побьют, ограбят, снимут кеды... — улыбнулся Алик. — Да мало ли что...

— Не говори так! — испугалась мама. — Я не могу так шутить.

Алик загляделся на светящиеся окна электрички. Казалось, что там за стеклом теплей и почему-то даже веселей. И он позавидовал маме, что она сейчас войдет в вагон.

Двери зашипели, приготовившись закрыться. В ту же секунду мама, словно вспомнив что-то важное, вдруг ойкнула и выскочила обратно. Еле успела выдернуть зажатую дверями сумочку. Алик помогал тянуть ее, словно репку.

— Ты что? — удивился он.

— Не знаю... — Мама крепко держала его за руку и пыталась улыбнуться. — Не знаю.

— Ну ты даешь... — Алик с некоторым восхищением посмотрел на мать.

— Нет, знаю. — Мама решительно вздохнула. — Поехали домой. Бог с ним, с этим свежим воздухом, с этой дачей...

— Домой? — Алик задумался.

Почему бы, собственно, и нет? Он же скучал здесь... На секунду представил, что сядет сейчас в электричку и не увидит больше никогда Гольцева, Антона Марковича, Лену... Да нет. Даже Риту и Юрика, и тех вроде жалко больше не увидеть.

— Нет, мам. Жалко. Сейчас грибы начались. Во-от такие белые несут...

— Да, да, белые. — Мама мелко закивала головой. — Может, ты и прав... Ты ведь уже такой большой... — Она опять вздохнула.

Двадцать минут до следующей электрички они ходили по пустой платформе. Мама, отступив от своей привычки давать на прощание миллион полезных советов, молчала. И Алик радовался, что ему тоже можно было спокойно помолчать. Он уже давно не знал, о чем говорить с мамой, когда приходится двадцать минут подряд ждать электричку.

Звезды глядели сквозь листву деревьев, словно в прорехи дырявой крыши. Они казались такими крупными, какими не бывали никогда. Вдруг почему-то запахло черемухой. Он стал думать почему. Сегодня Антон Маркович сжигал на костре дачный мусор. В огонь попали зеленые листья черемухи. Сторая, они секунду пахли, как белые черемуховые цветы. Может быть, сейчас он просто вспомнил этот запах.

Глаза совсем привыкли к темноте, шагать было легко и весело. Ему вдруг захотелось, миновав свою калитку, идти так дальше и дальше...

Длинная тень перерезала впереди лунную дорожку. Он чуть не засмеялся — это было похоже на сцену из какого-то детектива.

Сеня-киномеханик стоял перед ним в ореоле лунного света, даже его мелкие, густо рассыпанные веснушки, казалось, сияли и были видны все до одной.

В любой другой момент своей жизни он бы,

наверное, испугался. Но сейчас только расстроился. «Появление такой физиономии может испортить любой пейзаж», — рассеянно подумал про себя.

Он был явно не готов к нападению. Поэтому Сенин удар в солнечное сплетение сразу свалил его с ног. Еще несколько ударов ногами. Молча, с каким-то деловитым спокойствием, без ругани. Так же сосредоточенно Сеня, наверное, считал деньги или помогал старушке матери отстукивать отбивные. Он постоял над Аликом некоторое время, внимательно разглядывая, словно убеждаясь, сделал ли все правильно.

Алик запомнил эти секунды, когда от боли как будто все скорчилось и остановилось, только киномеханик стоял над ним уверенно и прямо, широко расставив ноги, словно был в ботфортах, и звезды над его головой были крупные, африканские. Они светили Алику прямо в глаза сквозь что-то липкое, от чего не размыкались веки, — то ли кровь, то ли слезы.

Приподнявшись и оперевшись на локти, он лежал в вольной позе загорающего пляжника и

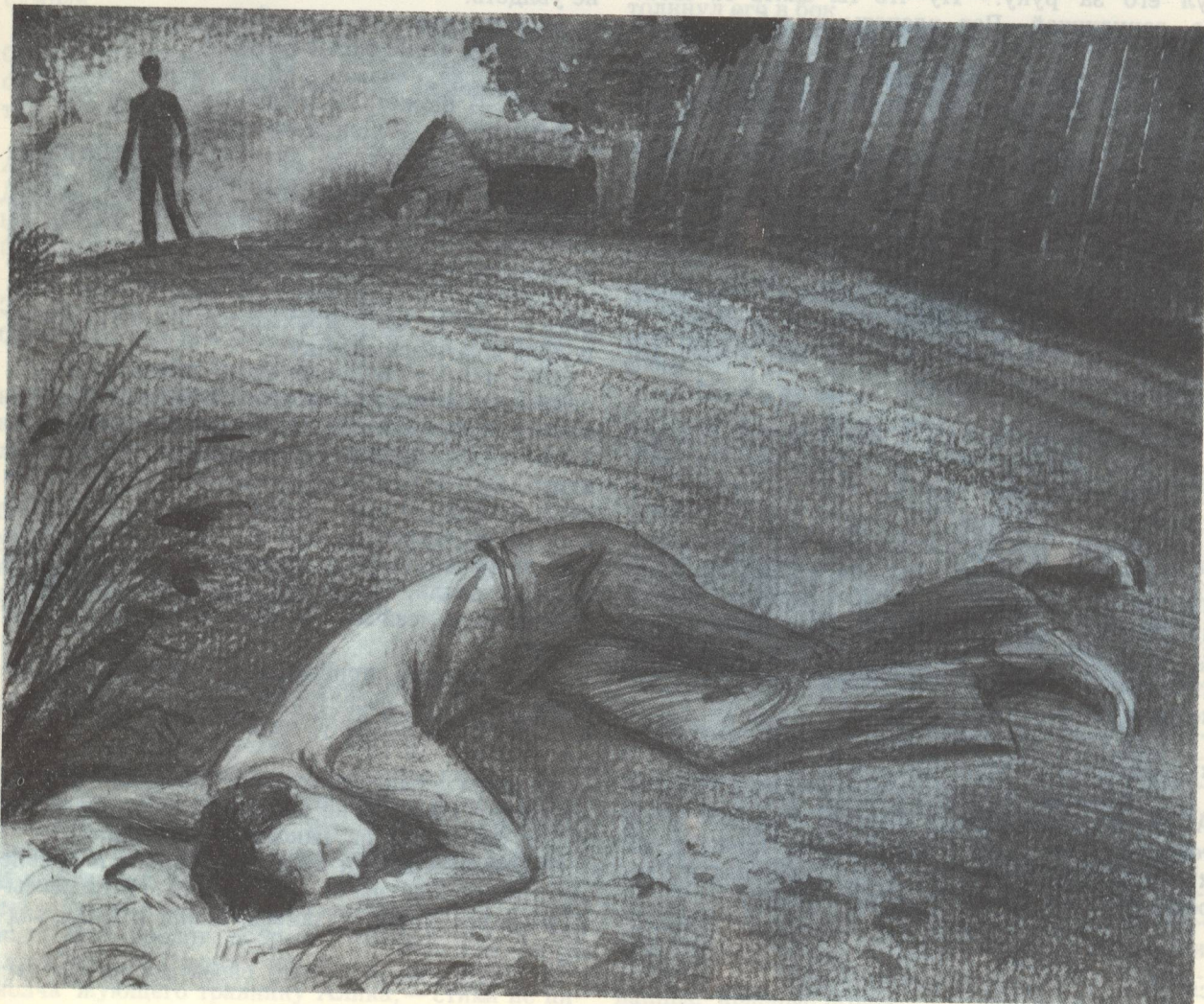
Алик запомнил эти секунды, когда от боли все скорчилось и остановилось.

смотрел вслед уходящему Сене — киномеханик помахивал на ходу сорванной гибкой веточкой, извивающейся, как высушенная полоска кожи гиппопотама.

— Мбира, проклятуций...

Доберел до своей калитки. Из-под прикрытых голубых ставен Антона Марковича тянулась тонкая полоска света, как желтая соломинка, за которую хочется схватиться утопающему. Он уже хотел постучать. Но, проведя рукой по своей липкой физиономии, подумал, что надо сначала поглядеть на себя в зеркало — еще неизвестно, не испугает ли старика.

Он зажег на террасе свет и вздрогнул. Клеенка на столе в цветочек, поглаженная мамой рубашка на спинке стула, прикрытая салфеткой тарелка с творогом... Это все было настоящее. Веснушчатый Сенин лик, и пинки его словно кованного железом ботинка тоже были настоящие. Как это может существовать одновременно? Пока он брел в темноте, нащупывал железную, холодную задвижку, то, что произошло, казалось более настоящим. А теперь он включил свет, и не верилось в этой комнате, где еще два часа назад суетилась мама, что его действительно только что били.

— Ну, били. Ну, побили, — уговаривал он себя.

Что вообще произошло? Что он, никогда не дрался и не получал? И дрался и получал. Хоть никогда к этому не стремился, всячески даже избегал. Но совсем без этого, наверное, ни у кого не получается.

Он плескал в лицо холодной водой из умывальника, так что физиономию всю саднило и зверски щипало, и говорил, говорил. Но это не помогало. Было не обидно, а была тоска. Такая странная, какая-то серая, вязкая. Тоска эта заключалась в том, что неизвестно было, кончится ли она вообще, и даже, напротив, уверенность была, что никогда она не кончится.

Она бы вмиг исчезла, если бы он разозлился сейчас и, прихватив что-нибудь потяжелее, побежал по тихим улочкам в поисках обидчика, чтобы вернуть ему, что полагается... И даже, может быть, вышел бы победителем. У злых силы много.

Но он знал, что ничего такого он не может.

Он медленно спустился с крыльца и пошел наугад в темноте.

Чернота вокруг через несколько мгновений побледнела. Он шел по пустым ночным улицам.

Прошел мимо Ритиной дачи, земля вокруг которой была вся взрыта под грядки и сплошь и рядом приносила своим хозяевам пользу.

Остановился возле Гольцевых. Синие елочки и ровные зеленые лужайки. Белые створки высоких дверей. «Козырек», крытый черепицей, легкомысленный и изящный, спускался над «носом»-крыльцом, как козырек Сашкиной джинсовой кепочки. От ворот к дверям дома бежала широкая, светлая, выложенная плиткой дорожка. Мокли под росой забытые сезлонги.

Так же, как бледнела вокруг темнота, превращаясь в синеву, как ясней и четче становилось все кругом, так и тоска его, серая, вязкая, размывалась, исчезала...

Юрикова дача словно стояла к улице спиной, широкой и глухой, выкрашенной темно-коричневым суриком. Может, из-за цвета она напоминала глухую стенку товарного вагона.

Юрик в белой простыне, сидящий на подоконнике, был виден сразу, так ясно и отчетливо, будто на стенке вагона нарисовано что-то мелом. Алик на всякий случай потрогал голову: не повредил ли ему что-нибудь киномеханик до такой степени, что стали мерещиться юрики в белых простынях. Но все было в самом деле. Настолько, что он отчетливо слышал всхлипы и сморкания.

Открыть калитку было не просто. Он перелез через забор.

Юрик продолжал плакать, не обращая на него внимания. С полной отдачей. Словно он специально прервал сон, чтобы выполнить это важное дело, и теперь не собирался отвлекаться на мелочи.

Наконец, всхлипывания стали реже, паузы между ними длиннее. И Алик понял, что сейчас он что-нибудь услышит.

— Что притащился, гад длинноносый?

Так Алика еще никогда не обзывали. Нос у него действительно был длинноват. Стало быть, Юрик был первым человеком на свете, который разглядывал его с такой тщательностью, что заметил этот недостаток.

Обижаться он не стал. Когда человек плачет, то сначала говорит глупости, а потом успокаивается.

— Так. Гулял, вижу — ты сидишь...

— Сижу, — неожиданно тонким голосом проплакал Юрик. — А ты гад, гад.

— Да я уже слышал, — Алик вздохнул.

— Ну и слышь. Еще скажу. Захочу и скажу. Плевал я на тебя. На всех вас плевал.

— Ну если от этого легче... — Алик присел на скамеечку под окошком.

— Легче. Легче, несчастный. Разломал то, что ты там понастроил, и легче. Изобретатель фигов.

— Ты?

Теперь эта беда с солнечными часами показала Алику далекой и смешной, как потеря трешницы, которую ему когда-то давно дала мама для покупки мяча.

Юрик молчал. Видно, он уже успокоился настолько, чтобы начать бояться расплаты.

— Я тебя понимаю, — сказал Алик. — Ты из-за того, что было тогда в кинотеатре?

Но Юрик молчал, отвернувшись.

Обратно через Юриков забор он перелез, когда на траве уже лежали желтые пятна — как будто брызнули откуда-то желтой лучезарной краской. — когда хочется хорошо вздохнуть, брякнуть жестяным умывальником и начать дело приседания и наклоны.

Он уснул, едва коснувшись головой подушки, и во сне поворачивался осторожно, чтобы не задеть затаившиеся коричневой сукровицей ссадины.

— Привет! Жертва ночного нападения... — На подоконнике, свесив ноги в комнату, сидел Сашка. Даже не открывая глаз, Алик понял, что тот, как всегда, хорошо вымыт, бодр и улыбается.

— А ты откуда знаешь?

— Да уж не от Сени, молчаливого работника кинопроката...

— А, Юрик... — вспомнил он. Зевнул — и охнул. Застыл, как в игре «Замри».

— Ничего он тебя... Прилично. — У Сашки вид, как у врача во время обхода, и голос его, по замыслу, должен наполнять душу больного надеждой.

И все-таки Гольцев не был, как всегда, полностью безмятежен.

— Ну, ничего, старичок, заживет. Бывает. По-своему он прав. Защищался нападая. Ты ведь первый начал выяснение отношений.

— Ага.

Алик вдруг к собственному стыду почувствовал, что в носу у него щиплет, как после питья лимонада. Сомнений быть не могло: он собирался плакать. А что он вообще-то говоря

ждал? Что Гольцев сожмет свои могучие кулаки и бросится мстить? Глупость какая. Но, оказывается, именно этой глупости он, Алик, и ждал. Поэтому спокойно пережил сегодняшнюю ночь. Поэтому спокойно ждал утра. Нет, он, конечно, не допустил бы мщения... Он ни за что не разрешил бы, чтобы его защищали... Но ему очень, оказывается, было надо, чтобы Сашка, не раздумывая, ни о чем не спрашивая, полез его защищать. Как глупо, что он этого ждал. Как будто есть на свете еще один Ромка.

— Ты очень хорошо мне все объяснил. Спасибо.

Все это Алик произнес на редкость неприятным голосом, хотя и старался говорить как можно спокойнее.

— Ну, знаешь... — Сашка сдвинул со лба свой велосипедный козырек, и Алик вдруг увидел, что нет у него в глазах прежнего обаятельного нахальства, а есть растерянность.

— Да, — спохватился Гольцев, — там девочки пришли залечивать твои раны.

Дверь уже открывалась. Лена в длинной ситцевой юбке стояла у порога. Солнце било ей в спину, трудно было разобрать, какое у нее лицо. Оно затемнено и неясно, как на неправильно освещенном портрете. Когда Алик был поменьше, мама его иногда брала на работу. Он бродил по музейным залам. И подолгу останавливался у портрета женщины, написанной в полный рост. Он стоял перед ним подолгу, дожидаясь момента, когда ему начинало казаться, что женщина вот-вот, придерживая длинную юбку, шагнет через краешек золоченой рамы.

И сейчас ему показалось, что Лена выходит из дверного проема, как из золотистого багета.

Вслед за ней вошла Рита, и от стука ее деревянных сабо все стало на свои места. Рама портрета превратилась в дверной косяк, крашеный желтой масляной краской.

— Ну ты даешь... — ужаснулась Рита, испуганно его разглядывая. — Господи, это надо же такое!

Он вдруг спохватился, что по-прежнему лежит в кровати и от этого все напоминает свидание в больничной палате. Стал подниматься, растерянно отыскивая взглядом свои кеды, пока не понял, что так и уснул, не сняв их.

— Ты смородину ешь. Она очень полезная, — хлопотала Рита, выкладывая на стол полиэтиленовый пакетик. Лена присела на краешек стула.

— Что ты теперь будешь делать? — вдруг спросила она.

Алик заметил, что Сашка усмехнулся.

— Я... — начал он.

— Да в милицию сообщить, и все! — перебил его Рита.

— Благодарю. — Лена приподнялась и присела в балетном книксене. — Я не собираюсь давать свидетельские показания.

— Конечно, нет. Моя сестра желает дуэли и крови. Право, что за скука эта дачная жизнь, — опять усмехнулся Сашка, бессмысленно пере-

листавая Аликову книгу, валявшуюся на подоконнике.

— А мой храбрый брат считает, что удобнее ходить побитым, — высокомерно улыбнулась девочка.

— Помолчала бы, дурища. — Сашка зевнул.

— Лен, ты чего — с ума сошла? — заволновалась Рита. — Перестань сейчас же!

— Перестала, перестала. — Лена поднялась и, качнув косами, пошла к двери. Скрипнули ступеньки, щелкнула задвижка калитки. Алик почему-то ясно слышал все звуки, сопровождающие ее уход.

— Идиотка, — проворчал Гольцев. — Только и жаждет вдохновлять всех на подвиги.

— Юрик, бедняжка, даже похудел, — жалостно сказала Рита. — Лена на него даже и не смотрит. Но ее тоже можно понять. Алик побил Юрика, Алик стал героем. А теперь Алика побили. Сплошные разочарования.

Глядя на серьезно рассуждающую Риту, так просто раскрывающую ему все тайны, Алик рассмеялся.

— Вот это уже лучше, — довольно улыбнулся Сашка. — Все это ерунда. — Он громко захолопнул книжку. — Сейчас я сделаю так, что твои телесные и душевные раны окончательно зарубцуются. Пошли. — Гольцев подтолкнул Алику к двери.

Оранжево-черный мотоцикл марки «Ява-спорт» ослепил Алику лаковым блеском. Солнце, отражаясь от его никелевых спиц, от идеально-прозрачного ветрового стекла, сияя с удивительной силой, било по глазам: «Пади ниц, несчастный». Это ли не чудо! Это ли не счастье: дотронуться до черного прохладного пластика руля... И прекрасное чудовище понесет тебя куда захочешь.

— Ну, как? — с материнской заботой в голосе допытывался Гольцев у замершего Алика. И цирковым голосом объявил:

— Демонстрирую!

Мягко взревев, как оперный бас, умело управляющий своим голосом, «Ява» без лязганья и скрипа, без единого ненужного звука приёмысто взяла с места. Через несколько минут, сделав круг, мотоцикл вынырнул с противоположного конца улицы. Ветер откидывал назад длинные светлые Сашкины волосы. Алик даже на расстоянии чувствовал, как упруго он бьет в Сашкину куртку. Расставив широко локти и колени, обтянутые синей джинсой фирмы «Ранглер», Александр Гольцев, житель города Москвы, 1966 года рождения, мог, без сомнения, послужить образцом счастья для любого нормального человека тринадцати лет.

— Давай осваивай. — Сашка затормозил в нескольких сантиметрах от него, легко спрыгнул с черного сиденья.

— Знаешь, я не хочу, — без всякого раздумывания, неожиданно для себя ответил Алик и испугался: вдруг Гольцев подумает, будто он ему что-то доказывает. — Ты извини, но я, честно, не хочу.

— Понятно. — Сашка вздохнул, как человек,

которого заставляют учить урок. — Давай говорить. Чего ты от меня хочешь? Чтобы мы с тобой принялись бодро перевоспитывать хулигана и обиралу Сеню? Горой встали за правду? Ну, я могу его побить... — скучно продолжал он, — велеть, чтобы он бросил эти свои штучки с билетами. Но к чему все это? Понимаешь, Алик, он убогий, несчастный. Он до смерти хочет иметь вот такие вот штаны. — Гольцев хлопнул себя по коленке. — Сто раз уж канючил, предлагал, чтобы я продал ему джинсы... И, чтобы накопить на них, он будет обирать кого угодно и бить всякого, кто ему мешает. Ты думаешь, я не рад дать ему по морде? За то, что он с тобой натворил... Мне это нетрудно. Но я не буду. Я просто хочу показать тебе, как глупо во все мешаться... Ты, может, в сто раз умнее других, а какой-нибудь Сеня пару раз треснет тебя по башке, и человечество лишится в будущем выдающейся личности.

*Он вдруг спохватился,
что по-прежнему лежит в кровати,
и от этого все напоминает
свидание в больничной палате.*

Алик с удивлением слушал Сашку. Оказывается, тот прекрасно понимает, о чем он, Алик, думал. Но в Сашкином изложении все, о чем он думал, выходило таким смешным и глупым, что ему самому хотелось посмеяться над собой.

С утра у соседей напротив завывала циркулярная пила. Летели, брызгая, золотые опилки. Глухо падали распиленные доски. Алику все время хотелось сунуть голову под подушку. Вой напоминал что-то неприятное. Спасаясь, он ушел на дачу к Гольцеву. К тому же ему казалось, что он вчера обидел Сашку. И он чувствовал себя виноватым.

Возвращаясь обратно, он увидел в конце улицы удаляющуюся серую в красных крестах машину реанимации. И тут только понял, что вой циркулярки был похож именно на сирену «Скорой помощи».

Он как-то пропустил тот день, тот час, когда деревья и трава враз потускнели, потемнели и редкими желтыми крапинами закачались осенние листья. И вот уж не крапины: целые пряди, дорожки желтых листьев на липах, которые, кажется, только что цвели.

Теперь он знал, что осень начинается в августе. Она пока еще прячется. Но все равно чувствуешь, что она где-то рядом, неслышная и невидимая... Только мелькает, зацепившись за ветку, прядь желтых волос, клочок цветной одежды и прохладное дыханье касается щеки.

Резина протекторов оставила на сухой земле след, кажущийся неясным и древним, как отпечаток скелета кистеперой рыбы в известняке мезозоя. Но он сразу его заметил, потому что заранее уж гадал, у какой калитки останавливалась машина реанимации. Теперь можно было не гадать.

Разве умирают тролли или гномы? Разве пьют они валидол, разве подвержены инфартам и инсультам? Разве приезжают за ними машины реанимаций? Во всяком случае, ему Антон Маркович казался вечным, как существо, которое появляется каждый вечер, когда начинают рассказывать сказку.

Алик не мог представить врача в белом медицинском колпаке, сосредоточенно слушающего звон колокольчика у голубой калитки.

Какая-то женщина в домашнем фартуке сошла с крылечка дома Антона Марковича, поправила сбившийся половичок. В руке у нее был зажат клочок белой бумаги.

— Надо родственникам передать, — сказала она, обращаясь то ли к Алику, то ли к себе самой. — Тут записано, какая больница. Кому передавать только неизвестно.

— Дайте мне. — Алик протянул руку. Рука замерла в воздухе, и он держал ее так, не опуская, пока женщина молча разглядывала его.

— Пожалуйста, — повторил он.

— Ну, бери. — Она, вздохнув, протянула ему бумажку. — Родственник...

И пошла торопливо к калитке. Возможно, на кухне у нее, исходя синим, чадным дымом, погубили-горели котлеты.

Алик растерянно обошел вокруг дома. Полосатое раскладное кресло стояло, как всегда, под деревьями. От ветра медленно переворачивались страницы лежащей в нем раскрытой книги, словно ее читал кто-то невидимый. Алик посмотрел на обложку. Опять про Африку...

Он представил старика, неизменно проводящего в этом кресле по несколько часов. Как он читает, держа книжку на отлете, немножко торжественно, словно королевский указ. Дальноручный, да еще борода мешает переворачивать страницы.

— Антон Маркович, вы, наверно, какой-нибудь там доктор географических наук? — спрашивает его Алик.

— Почему ты так решил? — пожимает плечами старичок. — К географии я не имею никакого отношения. Правда, очень хотел иметь. Может быть, с того самого дня в детстве, когда один человек подарил мне деревянную чашку с черными фигурками... Но, очевидно, это было, как говорят взрослые, «несерьезно»... Я не стал ни географом, ни путешественником, ни моряком.

И все-таки однажды, уже будучи далеко не юным, я встал и вышел из своей рабочей комнаты... Ты видел когда-нибудь комнаты, в которых сидят бухгалтеры? На окнах такие зеленые, усыпляющего цвета занавески, и всегда много на подоконнике горшочков с цветами. Кактусы и еще какие-то длинные, ползучие, бесконечные... Кажется, они называются традесканции. Я слышал, что их будто бы брали в космос. Удивительное растение, которое одинаково хорошо чувствует себя в бухгалтерии и меж звездами!

И вот я вышел из своей комнаты, прикрыл дверь. Такую черную, кожаную, неслышную... И уехал в один приморский город, в котором всегда нужны люди для разделки рыбы на рыболовецких судах. Я качался в вагоне, и мне уж казалось, что я прошел по солнечным улицам города Лас-Пальмаса, в который так часто заходят рыбаки, поднялся по ступеням в дом, в котором останавливался сам Колумб! Но меня не взяли. Все дело в том, что бухгалтеры очень подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям. Очевидно, оттого, что мало двигаются.

— Бедный Антон Маркович, — вздыхает Алик.

— Почему же бедный? — улыбается старик и проводит ладонью по книге. — Могу и с тобой поделиться.

— Поделитесь, поделитесь. — Алик усаживается рядом. — Мы еще знаете, где с вами не были...

— Ой! — Алик разом оборвал свои воспоминания. — Кешка!

Неужели птица осталась там, в закрытом доме, в клетке, прикрытой темным платком?

Алик лихорадочно дергал закрытые изнутри ставни, дверь. Он представлял себе ужас Кешки. Это было похоже на похороны живого. Но дом был глух к его попыткам. Словно африканский удав, проглотивший добычу, он не соби-

рался отдавать то, что принадлежало теперь ему.

Алик замирал, прислушиваясь. Это было так же бесполезно, как прикладывать ухо к пятнистой шкуре удава.

— Ты чего дергаешь? — услышал он вдруг. Позади, поджав одну ногу, как цыпленок, стоял Тошка. — Я его уже забрал. И булкой кормил, — сообщил он Алику.

— Ты... — Алик почувствовал, что от злости у него покраснело и стало горячим лицо. — А ну отдай!

— Не дам. — Тошка попятился к калитке. Еще секунда — нырнет в какую-нибудь дырку в заборе, растворится среди листвы, зачирикает насмешливо.

*Но Тошка не убежал.
«Оставь мне кенаря, пожалуйста, оставь», —
прошептал он Алику почти беззвучно.*

То, что чувствовал Алик, было уже не злостью. Это было отчаяние. В него переселился беззащитный брошенный кенарь, который больше никому на свете не нужен.

Осторожно продвигаясь к Тошке, Алик сжал кулаки, готовясь броситься ему наперерез.

Но Тошка не убежал.

Нижняя губа у него вдруг выдвинулась вперед, уголки рта скорбно опустились, и из глаз выползли две огромные слезы. При полном молчании, потому что мальчик даже не всхлипнул, они прокатились по щекам, прокладывая дорожку новым.

— Оставь мне его, пожалуйста, оставь... — прошептал он почти беззвучно. — Я его всем буду кормить. Я его никогда не привяжу. Если он захочет от меня улететь, я его отпущу. Но он не захочет. — Слезы у Тошки враз высохли, и голос опять стал нормальным. — Он мне сказал, что не захочет.

— Кто сказал? — Ошарашенно спросил Алик. — Кенарь?

— Ну, еще не... это... не совсем сказал. — Тошка переступил с ноги на ногу. — Но он скажет. Я его научу говорить. Это попугаев триста лет учат. А кенарев быстро.

— «Кенарев», «попугаев», триста лет... — Алик вздохнул и пошел прочь.

Много раз за эти два дня Алик принимался думать, как он придет к кинотеатру, как подойдет к равнодушно глядящему поверх его головы Сене, что сделает, что скажет. А вот теперь он стоял, оперевшись локтями на зеленый пыльный заборчик платформы, смотрел вниз на пышные заросли лопухов, ждал электричку и думал о Сене безразлично, как о забытом давно человеке, о котором когда-то ему рассказывали, кажется, неприятное. Даже мысль, что кинемеханик, узнав, что он уехал, довольно улыбнется, как человек, быстро и легко добившийся своего, не очень его волновала.

Но когда Алик представлял светящееся окно Антона Марковича, в которое он не постучал, побоявшись переполошить старика, когда он думал о том, почему за эти два дня так и не зашел к нему, ему хотелось стучаться лбом о зеленый зыбкий заборчик.

Мимо станции, озабоченно и торопливо постукивая колесами, пронесся поезд дальнего следования. Какие-то люди из города Бухареста, прильнув к окнам, провожали глазами мальчика, присевшего на краешек чемодана.

А когда поезд умчался, громыхнув на прощание последним, почтовым, вагоном, Алик увидел Сашку Гольцева верхом на оранжевой «Яве».

— Уезжаешь? — Сашка встал рядом с Аликом, понуро сидящим на своем чемодане. — Мог

«Погоди, Алик», — донеслось до него.

бы и «до свидания» сказать... Ну да ничего... Я переживу. Хотя, надо тебе сказать, вежливым людям легче жить на свете.

— Тогда я за тебя очень рад.

— Не бурчи... — Сашка примиряюще хлопнул его по плечу. От дружественного хлопка могучей гольцевской длани Алик покачнулся вместе с чемоданом.

— Тише ты, воспитатель... — Он еле сумел удержать равновесие.

— А куда ты, вообще говоря, торопишься? — снова пристал к нему Сашка. — Чем тебе здесь плохо? Почти две недели каникул впереди.

— Да мама велела возвращаться, — соврал Алик. — Беспокоится.

Алик сам не знал, почему он соврал. Но он не смог бы объяснить Гольцеву, почему едет к старику. Чего доброго, тот бы еще над ним посмеялся. Или просто вежливо удивился. И то и другое было бы ему, Алику, противно.

— Ах, мама... — Гольцев как ни в чем не бывало крутил на пальце ключ. — А Сеня, между прочим, тоже к родственникам поехал.

— Как это?

Гольцев засмеялся.

— Да Ритка, сумасшедшая, вчера прибежала к кинотеатру и при всем честном народе на него наорала. Сказала, что пойдет в милицию. И сегодня, пожалуйста, жители остались без вечернего развлечения — на дверях киношки замок. А Сеню видели рано поутру поспешающего к станции с чемоданчиком. — Сашка насмешливо покосился на Аликов чемодан.

— Да ты, может, думаешь, что я из-за него уезжаю? — Алик покраснел и поднялся с чемодана.

— Ничего я не думаю, — спокойно улыбнулся Сашка. — Еще вчера я сам бы тебе посоветовал к маме съездить. Лучше, чем синяки друг другу ставить. А сегодня...

Стук электрички заглушил гольцевскую речь. Алик смотрел на егодвигающийся рот и уже не старался вслушиваться.

— Погоди, Алик, — донеслось до него. Он увидел, как Гольцев достал из кармана куртки маленькую книжечку.

— Возьми.

Двери, шипя, сомкнулись за его спиной. Электричка тронулась.

Уже сидя в пустом почти вагоне у окна, за которым пригибались от ветра желтые метелочки травы, он раскрыл ладонь. На листочке был записан Сашкин московский телефон.

Он высунулся в окно, и горячий ветер сильно хлопнул его по физиономии, разворошил волосы. Ему стало весело. Тень-стрелка двигалась по циферблату его солнечных часов. Он слышал, как отмеряют они время. Впереди были Ромка, мама и, он был теперь уверен, Антон Маркович. Он высунул в окно руку. Ветер выдернул у него из пальцев крошечный листок и, кувырякая, утащил за собой в желтую траву.

КОНЕЦ

Дороги большого похода

Многие годы продолжается Всесоюзный поход комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Он похож на большак, к которому стекаются много дорог. Каждый пионерский отряд выбирает свою дорогу: один составляет летопись своей школы, партийной и комсомольской организаций, другой создает музей, третий поставил перед собой цель — соорудить памятник героям войны в своем городе. Проводятся увлекательные военно-спортивные игры и эстафеты, летят в разные концы душевные письма ветеранам войны и труда. Дружины и отряды борются за право носить на своих знаменах имена героев.

И настает такой день и час, когда, стоя под алым полотнищем знамени, слыша торжественные трубы и дробь барабанов, маленький гражданин великой страны чувствует себя причастным к делам советского народа, испытывает гордость за героическую историю нашей Родины.

Уже прошло восемь слетов Всесоюзного похода. Лучшие пионерские и комсомольские отряды участвовали в их работе.

Столица Белоруссии — Минск — принимала делегатов девятого слета с 12 по 18 сентября. О том, что сделано, об опыте работы, планах будущих начинаний говорят в дни слета не только в Минске — во всех пионерских отрядах. Послушаем рассказы ребят.

Полк вышел к Днестру

Во многих дружинах нашего города созданы музеи боевой славы. Самое дорогое, самое ценное в этих музеях — записи ветеранов Великой Отечественной войны. Вот отрывок из воспоминаний Героя Советского Союза Анатолия Николаевича Щербака:

«В ночь на 14 апреля 1944 года 1050-й стрелковый полк, в котором я служил, вышел к Днестру и получил приказ с ходу форсировать реку.

Вечером, когда мы стали сосредоточиваться в прибрежных садах и кустарниках, три фашистских пулемета открыли сильный огонь с небольшого островка, расположенного посреди реки. Необходимо было уничтожить огневую точку противника. Я вызвался выполнить эту операцию.

Настала ночь. Над Днестром клубился плотный весенний туман. Под его покровом в маленькой лодочке я доплыл до острова. Вскоре я обнаружил все три огневые точки и с помощью гранат и автомата уничтожил врагов.

Наши подразделения начали переправу».

Штаб «Тимуровские звезды», г. Бердянск.

Имени Виталия Бонивура

Наш отряд борется за присвоение ему имени Виталия Бонивура, героя гражданской войны. Мы хотим доказать делами, что достойны этого имени.

В нашем микрорайоне разыскивали людей, которые участвовали в Великой Отечественной войне, встречались с ними, записали их воспоминания. Весь материал о фронтовиках мы храним в нашем отрядном музее. Не забываем поздравлять ветеранов в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, в День Победы дарим им сувениры, которые делаем сами. Мы приглашаем ветеранов на наши пионерские сборы.

Отряд 5 «А» класса, школы № 62 г. Кемерово.

От Ладожского озера до Кавказа

Наш кружок «Юный альпинист» был организован при Московском городском Дворце пионеров в сентябре 1979 года. Руководят кружком Вера Петровна Авдеева и Юрий Григорьевич Минорский.

Мы много путешествуем. В марте 1979 года мы были на ленинградской земле. Прошли через Ладожское озеро. Озеро встретило нас белым ледяным безмолвием. Не верилось, что здесь много лет назад в небе ревели вражеские самолеты, а по льду медленно ползли машины с продуктами, медикаментами, оружием, боевыми снарядами.

В июле 1979 года мы прошли военными дорогами Кавказа. Было много интересных встреч. Особенно запомнилась встреча с Иосифом Георгиевичем Кахиани — альпинистом, мастером международного класса. Он воевал в родных горах и рассказал нам о жестоких боях на склонах Эльбруса.

После каждого похода мы оформляем выставки, рассказываем о своих впечатлениях на вечерах-встречах другим ребятам.

Участники кружка «Юный альпинист» при Московском городском Дворце пионеров.

А о каких путях-дорогах, находках, открытиях можешь рассказать ты? Будем ждать твоих писем.

Всесоюзный поход продолжается.

ВСЕ ВПЕРВЫЕ!

«История советской пионерии неотделима от героической истории нашего народа и ярко подтверждает ленинскую мысль о том, что организация детей — лучший путь воспитать коммунаров. Летопись детского движения богата примерами патриотизма, самоотверженности, подлинного героизма».

(Из Постановления Центрального Комитета КПСС «О 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина»)

Дорогие ребята, читатели «Пионера»! Пройдет совсем немного времени, и 19 мая 1982 года вся наша страна будет от-

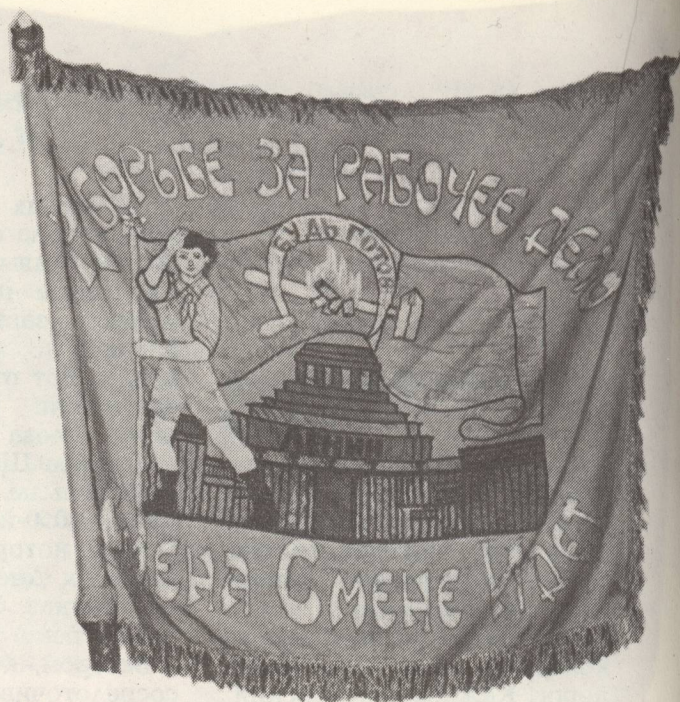
мечать радостный праздник — 60-летие советской пионерии. В одном из первых пионерских отрядов на Красной Пресне в Москве насчи-

тывалось всего 52 юных ленинца. Всего 52... Сегодня красный галстук носят 20 миллионов твоих сверстников. А сколько ребят разных лет носили алый галстук — не счесть! И каждое пионерское поколение оставляло в славной летописи Всесоюзной Дружины свои неповторимые страницы.

Вспомните в эти фотографии 20-х годов, постарайтесь умом и сердцем понять, о чем думали, о чем мечтали ребята тех далеких, трудных, но крылатых лет.

Вот идет по брусчатке пионерский отряд краснопресненцев. Ведет его замечательный вожатый — Михаил Стремяков. Это он вместе с первыми юнкорами выпускал первый пионерский журнал «Барабан». Это он был первым редактором газеты «Пионерская правда».

Много лет минуло с тех пор, но в летописи пионерской организации навсегда останется и первый пионерский значок, и первые пио-

1924 год.
Знамя пионерского отряда № 14 имени Воровского, созданного при Доме пионеров города Горького.

1922 год. Один из первых пионерских вожатых столицы, Михаил Стремяков, со своим отрядом с Красной Пресни.

нерские знамена, и первые заявления бывших беспризорников, решивших вступить в пионеры...

В 20-е годы все в нашей организации было впервые.

В «Артеке» поставили первые палатки, где жило всего около ста ребят, а сейчас только за одну смену одновременно отдыхают четыре с половиной тысячи ребят.

Первый номер «Пионера» вышел тиражом двадцать тысяч экземпляров, а сейчас он — 1 650 000!

Чтобы лучше знать день сегодняшний, чтобы увереннее шагать маршрутами Марша, надо знать день минувший, историю и традиции своей организации.

«Пионер» предлагает: давайте все вместе начнем составлять **летопись** детской коммунистической организации нашей страны, собирать интересные **факты, цифры, фотографии, документы** пионерской истории.

«Пионер» дает задание всем читателям журнала, всем красным следопытам, всем отрядам:

— **узнайте**, где и когда в вашем городе, поселке, деревне родился **первый** пионерский отряд, запишите его историю, соберите (если сохранились) фотографии первых пионеров, а нам пошлите фотокопии исторических снимков и документов;

— **запишите** воспоминания юных ленинцев 20-х годов, узнайте, чем они занимались, как помогали старшим в борьбе за новую жизнь, чему научил их пионерский отряд.

Самые интересные письма «Пионер» опубликует на своих страницах, а все ценные материалы будут переданы в будущий музей истории Ленинского комсомола. Лучшие работы мы отметим грамотами «Пионера» и книгами по истории пионерской организации.

На конверте поставьте две цифры: 1922 — 1980. Ждем ваших писем.

*824 отряд.
нап. при Забор
Юрковом Раб
П в*

Задание

*Прочти и напиши мне об
приобретении Ветеран Будущего
Имя Завещания
Закон и обилие юных
писем*

Имя: Зубриков

1924 год. Пионерский парад на Красной площади в честь присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина.

Ведет журналист-международник Павел ГРИГОРЬЕВ.

Афганский народ идет к победе

27 апреля 1978 года жителей столицы Афганистана Кабула разбудили орудийные выстрелы и грохот танков — началось народное восстание против реакционного правительства. Апрельская революция победила. К власти пришло правительство Народно-демократической партии Афганистана. Впервые за многовековую историю мечты афганского народа о хлебе, земле, образовании становились явью.

Новое правительство передало землю помещиков бедным крестьянам, ввело всеобщее образование. Эти реформы пришлось не по вкусу помещикам, крупным торговцам, фабрикантам. И они объединились для борьбы с народной властью. Конечно, богачей сам воевать не станет: слишком он дрожит за свою драгоценную жизнь. Он воюет чужими руками: нанимает за деньги банды преступников, обманом и щедрыми подачками заманивает на свою сторону часть темных, неграмотных и забитых бедняков. Афганские богачи стали искать помощников за рубежом. Такие покровители скоро нашлись. Американским

Афганские труженики приветствуют решения народного правительства.

империалистам и пекинским гегемонистам тоже не нравилось, что новое правительство Афганистана дружит с нашей страной и другими социалистическими странами, поддерживает силы мира. Вот почему американское правительство поручило своему Центральному разведывательному управлению (ЦРУ) подготовить заговор против народного правительства Афганистана. Бан-

Маоисты сговариваются с главарями афганских басмачей.

ды басмачей, нанятые за доллары, хлынули через границу с территории соседнего Пакистана.

Тогда афганский народ обратился к Советскому Союзу за помощью. Наши страны связывает Договор о дружбе и взаимной помощи. Советские воины помогли своим южным соседям отбить агрессию наемников.

Наша страна помогает Афганистану строить мирную жизнь.

В провинции Нинграхар — житнице страны, где снимают по четыре урожая в год, — советские специалисты помогали строить оросительную систему в долине реки Кабул.

Тысячи жителей столицы получили новые квартиры. Панели для их домов изготовлены на новом домостроительном комбинате, который помогали сооружать советские строители. Среди них — Герой Социалистического Труда Г. В. Масленников.

В небольшом городке Северного Афганистана Мазари-Шарифе возвышается большое светлое здание нефтяного техникума. Он построен по проекту и с помощью советских специалистов. Со всей страны сюда едут учиться юноши и девушки. Их учат советские преподаватели. Таких примеров советско-афганского сотрудничества можно привести множество.

Афганский народ знает, что может положиться на советских друзей. Эта вера удесятерит силы афганцев в борьбе за светлое будущее.

Нещадно палило тропическое солнце, ноги вязли в рыхлой земле. Тяжелый мачете мягко вгрызался в бурый стебель.

На Кубе началась сафра — уборка сахарного тростника. Я приехал в провинцию Лас-Вильяс, чтобы увидеть, как трудятся «мачетерос». Но как стоять без дела, когда вокруг с утра работают студенты, учителя, рабочие?.. Они приехали из Гаваны помогать убирать урожай.

«Совсем как у нас во время пятой трудовой четверти, — подумал я. — Только вместо тростника у наших ребят свекла, картошка, сенокос, строительство...»

Об этом я сказал Габриэлю Гарсия, молодому учителю. Мы с ним прорубали в

Мачете — в музей

тростнике просеку плечом к плечу.

— У нас много общего, — улыбнулся он в ответ и показал рукой на край поля, где разворачивался комбайн. — Почти половину тростника в стране мы уже убираем машинами. Советский Союз помог нам построить завод уборочных комбайнов: это 600 машин в год!

Мы сделали пятиминутный перерыв.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — снова сказал Габриэль. — Лет через пять мы с помощью Советского Союза построим атомную электростанцию, новый металлургический и еще много других заводов. И тогда я организую в своей школе маленький музей. Среди других экспонатов там будет твой и мой мачете. Во время экскурсий я буду рассказывать ребятам, как когда-то мы вместе рубили тростник.

— Но чем же ты будешь работать на сафре?

— Не чем, а на чем, — уточнил Габриэль и указал на уползающий к горизонту комбайн. — К этому времени все мачете будут сданы в музей.

П. ПЭНЕЖКО

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЭТИ ЦИФРЫ

«СВОБОДНАЯ РЕСПУБЛИКА АМСТЕРДАМ» СРАЖАЕТСЯ...

Атака началась на рассвете. Над полем боя кружили два вертолета. Под прикрытием пяти танков «Центурион» и бронетранспортеров 1100 вооруженных полицейских двинулись на штурм баррикад. Баррикады преграждали дорогу к кварталу, который жители голландской столицы прозвали «Свободная республика Амстердам».

Это был уже второй штурм. Первый отбили парни и девушки. Сейчас юные защитники «республики» дрались отчаянно. Полицейских встретил град камней и бутылок с горючей смесью. Но силы были слишком неравные. Танки смяли баррикады. Пришлось отступить и укрепиться в домах. Среди оборонявшихся было около полусотни раненых. Полиция не рискнула брать здания приступом: их обитатели приготовились драться за каждый квадратный метр. Кроме того, власти боялись, что в поддержку защитников «Свободной республики» по всему городу вспыхнут волнения. Исход сражения так и остался нерешенным. Но осажденные говорят: «Мы победили! Теперь все знают, кто мы такие и чего хотим».

Почему же улицы Амстердама превратились в поле битвы?

Молодые голландцы, бросавшиеся навстречу танкам с камнями — студенты, рабочие, старшеклассники, — остались без крыши над головой. Дело в том, что домовладельцы взвинчивают цены на квартиры и охотятся за самыми богатыми жильцами. А молодежь, которой не по карману платить по 300 долларов в месяц за квартиру, остается на улице. В муниципалитете (городском правлении) пылятся пятьдесят две тысячи заявлений от бездомных.

Такое положение с жильем существует во многих городах капиталистического мира. Рабочие среднего достатка платят половину своего жалованья за скромную квартиру. Если удастся ее найти! А цены все растут...

В Советском Союзе самая дешевая квартирная плата в мире. Право на жилье гарантирует советскому человеку Основной Закон — Конституция СССР. Только в 1979 году жители нашей столицы получили 80 тысяч благоустроенных квартир.

В защиту учителя-коммуниста

Обидно, когда любимый учитель не приходит на урок. Если он болеет, вы спешите навестить его. Но всегда знаете: пройдет несколько дней, и вы встретитесь снова.

А вот школьники Федеративной Республики Германии нередко теряют своих учителей навсегда. Многих преподавателей в ФРГ увольняют из-за того, что они коммунисты.

Так случилось и с Франком Беренсом. Он преподавал в одной из школ города Бременхафена. Ученики очень любили его, на уроках Беренса всегда было интересно. Родители радовались добрым отношениям между учителем и учениками.

Но однажды власти Западной Германии спохватились: в школах одного только города Гамбурга больше ста учителей-коммунистов! Чему они

научат детей?! И на учителей начались гонения. Правительство ФРГ издало закон, запрещающий прогрессивно мыслящим людям работать в государственных учреждениях.

Жертвой этого несправедливого закона стал и Франк Беренс.

Увольнение учителя вызвало в городе бурю протеста. В магистрат (городское управление) посыпались письма родителей. «Мой ребенок учится в классе господина Беренса, — писала Урсула Байнерт. — Учитель отдает много сил детям. Он должен остаться в школе. Моя дочь сказала, что, если Франк Беренса уволят, она больше не пойдет в школу. Дети намерены бастовать, пока их учитель не вернется. Дочка всю ночь проплакала, когда узнала, что Франку Беренсу грозит увольнение».

Бургомистр оправдывал увольнение учителя-коммуниста заботой об общем благе, желанием уберечь детей от «красной» пропаганды.

Тогда родители организовали в городе митинги и демонстрации. В них приняли участие и ребята. Франку Беренсу часто звонили совершенно незнакомые люди, старались подбодрить его. Но приятнее всего ему было узнать о поступках его учеников.

Однажды воспитанники Беренса наклеили на дверь учительской плакат: на листе бумаги расписались все ребята, а в центре написали: «Мы протестуем!»

Властям пришлось восстановить Франка Беренса на работе. Но с просьбами родителей и учеников они не посчитались: учителю не разрешили вернуться в прежнюю школу.

Е. САВОЛЕЙ

ПОЗОР АМЕРИКИ

Питер-вор украл мотор.
Но вождения не знал
И с разгона в столб попал.
Больше он не суетится:
До ушей замотан гипсом.

Это стихотворение сочинил третьеклассник Майкл из американского города Портленд про своего товарища. Во время недели борьбы с преступностью, которая проводилась в их школе, Майкл решил участвовать в конкурсе сатирических стихотворений и получил первый приз. Но после этого он и сам угнал чей-то мотоцикл...

Американские газеты называют преступность среди школьников позором Америки. Подсчитано, что в течение учебного года пять тысяч учителей подвергаются нападениям своих учеников. Число избитых мальчиков и девочек достигает 280 тысяч, а ограбленных — 110 тысяч. Каждый пятый американский учитель признается, что страх перед учениками мешает ему добросовестно преподавать. Ущерб, ежегодно наносимый учениками школьным зданиям, пособиям и оборудованию, оценивается в 200 миллионов долларов.

Американский журналист Кен Олетта рассказывает, как в нью-йоркской средней школе «Харрен хай скул» он встретился в вестибюле с учительницей.

— Простите, — сказала она тихо, — вам на второй этаж? Мне страшно идти по лестнице одной. Будьте любезны, проводите меня!

«Как все изменилось!» — мысленно поразился американец. В его время ученики трепетали при встрече с учителем. А сегодня учителя боятся попадаться на глаза своим хулиганствующим ученикам... Журналист приходит к выводу, что недостатки школьного обучения в США — это отражение кризиса всей страны. Чего требовать от школ, если преподавателей, помещений и пособий вечно не хватает? А правительство все урезает скучные тысячи от образования, чтобы вкладывать новые и новые миллионы в военную промышленность.

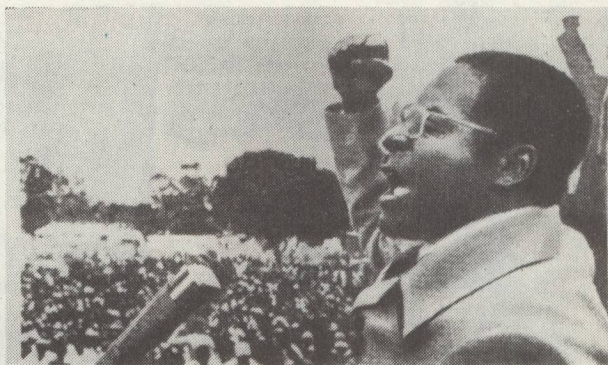
НОВЫЙ ФЛАГ НА ЮГЕ АФРИКИ

Ровно в полночь на 18 апреля 1980 года над столицей бывшего расистского государства Родезии — Солсбери под звуки национального гимна и орудейных залпов поднялся флаг. В наступившей затем тишине раздался полный достоинства голос: «Я, Роберт Гэбриэл Мугабе, клянусь...» Это принимал присягу премьер-министр нового, родившегося в огне сражений, независимого африканского государства Зимбабве.

Несколько сотен лет назад на этих плодородных землях процветало африканское государство Зимбабве. О его столице до сих пор еще напоминают величественные каменные развалины. В народе их считают священными.

Колонизаторы согнали африканцев с самых лучших земель и превратили их в рабов на своих плантациях. Белых было всего около трехсот тысяч, но за власть они держались крепко.

Жестокость карателей не сломила борцов за освобождение Зимбабве. Под руководством Роберта Мугабе, лидера Африканского национального союза Зимбабве (ЗАНУ), партизаны нанесли войскам расистского правительства Яна Смита тяжелые удары.

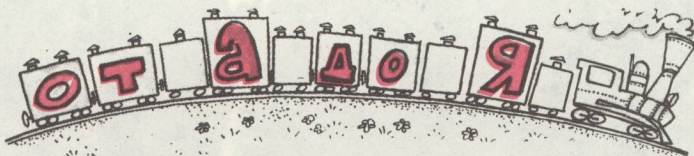
Роберт Мугабе выступает на предвыборном митинге.

Чтобы избежать полного военного разгрома, расисты вынуждены были согласиться на всеобщие выборы. Победа досталась патриотам.

Мирные проблемы, стоящие перед страной, не легче военных. Надо как-то разместить 200 тысяч беженцев, которых война согнала с родных мест. Необходимо выравнять доходы белых колонистов и африканских граждан — их доходы в двенадцать раз меньше. Нужно провести земельную реформу и другие прогрессивные преобразования.

В ту памятную ночь церемония провозглашения нового государства проходила на стадионе «Руфаро». В переводе с языка шона (самая многочисленная народность Зимбабве) «руфаро» означает «счастье».

Это добрый знак для молодой республики!

Полиция — так в Древней Греции называли полувоенные отряды, которые защищали интересы господ. Сейчас в буржуазных странах есть и государственная и частная полиция. Полиция преследует уголовных преступников или политических деятелей, неудобных правительству.

С уголовниками, считают полицейские, легче поладить, чем с «политическими». Например, стало известно, что многие работники лондонского Скотланд-Ярда брали взятки у преступников, стерегли «мирный труд» воров и грабителей.

Всеобщие выборы — выборы главы государства или представителей в парламент, конгресс. В них участвуют все граждане страны.

Но в буржуазных государствах капиталисты всячески мошенничают — отбирают «своих» кандидатов, подкупают избирателей, чтобы не допустить к власти коммунистов, демократов.

И все же, когда все трудящиеся страны объединяются в борьбе за прогрессивные преобразования, на всеобщих выборах может одержать победу подлинный народный избранник.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ. Художник Сергей ХАРЛАМОВ. Из серии «Куликово поле».

Я. ГОРДИН

Рисунки Н. ГРИГОРЬЕВОЙ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Что было на Руси

В 1362 году московским князем стал одиннадцатилетний Дмитрий. К этому времени уже более ста двадцати лет Русь находилась под владычеством Золотой Орды.

Орда грабила Русь, вмешивалась в ее дела, стравливая князей, чтобы никто не смог угрожать власти ордынских ханов. Но, несмотря на частые междоусобицы, предательства и интриги, мысль о необходимости союза, объединения Руси все крепла. Без этого не было надежды сбросить иго завоевателей...

Первые годы юный Дмитрий правил с помощью умных бояр, но вскоре взял власть в свои руки. Главной его целью был союз русских князей под главенством Москвы для разгрома ордынцев. И в 1375 году в Переяславле-Залеском он собрал многих князей, и они договорились о совместных действиях.

Но и Орда не дремала. Ее правитель эмир Мамай, поняв, что задумал Дмитрий, немедленно сделал свой ход. Долгие годы ярлык на великое княжение был в руках Москвы. Но тут Мамай сразу передал его тверскому князю Михаилу.

Михаил ради чести называться великим князем нарушил договор с Москвой и послал своих воевод отбирать земли Дмитрия. А Дмитрий молниеносно выступил к Твери. Под его знаменами шли князья ростовские, ярославские, сер-

пуховские, смоленские, белозерские, можайские, брянские и многие другие... Тут тверской князь запросил мира и поклялся поддерживать Москву против Орды.

Это было первое открытое выступление объединенных сил Руси против ордынской власти. И Орда ответила ударом на удар.

Мамай послал на Русь большую армию, которую вел ордынский полководец Бегич. Войска вошли в Рязанское княжество, уничтожая селения, угоняя в неволю людей. Раньше другие князья равнодушно смотрели на гибель соседей. Теперь московские полки немедленно выступили на помощь рязанцам; не только Рязань, но и Москву рассчитывали уничтожить ордынцы.

На реке Воже, притоке Оки, встретились две рати. Узкая полоса воды, прибрежные камыши и поросшие густой травой заливные луга отделяли друг от друга русские полки и ордынские туманы. На самом же деле эти сажени воды и земли не просто две армии разделяли — две эпохи разделяли они. Наступало время открытой смертельной борьбы...

Несколько дней стояли армии на разных берегах. Никто не решался начать бой. Слишком важно было то, что могло произойти...

Наконец Бегич отдал приказ атаковать. Ордынцы перешли реку и ринулись на русский центр. И сразу же Дмитрий двинул свою рать им навстречу. Сильные полки стали охватывать фланги врага. Ордынцы не выдержали контратаки и угрозы окружения — они побежали...

Это была первая победа в большом сражении с Ордой.

На Руси наступило новое время...

Что было в Орде

От берегов Черного и Каспийского морей до уральской тайги распласталась огромная золотоордынская держава. Но распри и междоусобицы раздирали ее изнутри, как некогда раздирали они Русь. За двадцать лет — с 1360 по 1380 год — сменилось в Орде двадцать пять ханов.

Постепенно самым сильным человеком в Орде стал эмир Мамай. Он не был из рода Чингисхана и поэтому не мог стать ханом — законным властителем. Но власть находилась в его руках. Он выдвигал и свергал ханов, вел войны против негодных ему претендентов на ордынский престол. И когда Русь открыто вышла из подчинения, когда ордынцы бежали с берегов Вожи, Мамай понял, что пришел решающий момент: или он разгромит непокорных и снова заставит Русь беспрекословно выполнять его волю, или же Орда лишится «русского улуса» и станет намного слабее.

Он стал собирать огромное войско для похода на Москву.

В 1380 году у Мамая была армия в 130—150 тысяч воинов. Кроме татаро-монгольских и кипчакских отрядов, тут были и черкесы, и осетины, и итальянские пехотинцы, нанятые в генуэзских владениях в Крыму. Понимая, что борьба предстоит насмерть, Мамай стал искать союзников. И нашел их. Литовско-Русским княжеством правил князь Ягайло. Он согласился поддержать Мамай.

А вторым союзником ордынцев стал рязанский князь Олег. Он не верил в победу Дмитрия, кроме того, Рязанское княжество граничило с Ордой и первое подвергалось опустошениям. И Олег решил на предательство, рассчитывая в случае победы Мамай стать главой Руси...

Мамай не сомневался в успехе. Даже не велел брать с собой много припасов. Зачем? Разгромив Дмитрия, он сможет воспользоваться русским урожаем.

Ордынская рать выступила в июле.

Дорого стоит свобода

Никогда еще русская земля не выставляла такого мощного войска. Союзные Дмитрию князья привели свои дружины.

В полки московского князя шли крестьяне и горожане. Большие и малые отряды стекались со всех сторон.

Но далеко не все русские князья поддержали Москву. Не пришли тверичи и нижегородцы, не пришли смоленские и новгородские дружины... Но и без них навстречу Орде двигалось огромное войско.

Ускоренным маршем русские полки 6 сентября вышли к Дону.

С противоположной стороны к реке приближались полчища Мамай.

На военном совете князья решили перейти Дон, чтобы не было пути назад, и встретить ордынцев на Куликовом поле.

Переправляться начали 7 сентября. Конница шла по двум бродам, а пехота — по наведенным

Засадный полк атакует

Бегство

мостам. Шли в полном вооружении, готовые встретить внезапную атаку.

Боярин Семен Мелик, командовавший передовыми разъездами, уже сообщил Дмитрию, что его всадники столкнулись с вражеским авангардом. Мамай спешил, чтобы перехватить московскую рать на переправах. Но опоздал... Знал Дмитрий и то, что с запада приближаются отряды Ягайло, а с востока — дружина Олега. Если все они ударят с трех сторон — не устоять войску. Значит, надо как можно скорее вступить в бой с Мамаем и разбить его до подхода союзников...

Переправу закончили в сумерках. Полки расположились на прибрежных холмах при впадении в Дон реки Непрядвы.

Дмитрий и опытный воевода Боброк, волынский боярин, выехали за линию караулов. Ночь была темная и тихая. Впереди, над ордынским лагерем, висел несмолкаемый гул: кричали и пели люди, стучали повозки, ржали кони. Во тьме завывали волки. Чужая битва, они собрались сюда со всей округи.

В русском стане было тихо. Чуть полыхало зарево костров, разложенных между холмами.

До ордынцев было не более семи верст.

Место будущего боя Дмитрий с воеводами осмотрел еще днем. Решил, как расставить полки. И сейчас думал не о битве, а о том, что будет после битвы, о том, что решит эта битва на долгие времена...

Под утро Куликово поле покрыл густой туман. Он напознал с прибрежных болотистых низин. В тумане русские полки двинулись вперед и, не замеченные ордынцами, заняли свои позиции.

Настоящий полководец всегда заставляет местность помогать ему. Так было и на этот раз. Дмитрий поставил свои войска на узком пространстве — около 4 верст — между густо заросшим кустами оврагом, называвшимся Нижний Дубик, и крутым берегом речки Смолки, впадавшей в Дон. Овраг надежно прикрывал правый

фланг, а Смолка — левый. Это было очень важно, потому что ордынцы обычно умели с необычайным искусством и быстротой проводить фланговые охваты. Их конница, стремительно маневрируя, нападала с разных сторон, заходила в тыл противнику. А выбранная русскими позиция лишала Мамай возможности применить этот излюбленный прием. Трудно было ордынцам на таком узком фронте использовать и свое численное превосходство.

Основное русское войско стояло пятью полками — полки левого и правого крыла, большой полк, передовой полк и засадный полк, расположенный скрытно в дубраве за левым флангом. Но этим дело не ограничилось: за большим полком — ближе к левому флангу — был поставлен резерв, а впереди всей армии расположился конный сторожевой полк.

К 9 часам утра туман рассеялся, и русские увидели медленно приближающуюся массу ордынцев...

Обычно Мамай для начала пускал в дело легкую конницу, которая своими наскоками изматывала передовые линии противника. А затем следовал массивированный удар. Но теперь сторожевой полк не давал этой возможности. Перед сторожевым полком сошлись в смертельном поединке монах-богатырь Пересвет и монгольский великан Темир-мурза. Оба они погибли.

После жестокой рубки вражеский авангард откатился, а русские сторожевые отряды отошли к главным силам.

Дмитрий понял, что самый страшный удар Мамай обрушит на левый фланг. Если бы ордынцы опрокинули полк левой руки, они смогли бы развернуть в тылах русской армии свою конницу — там была удобная местность — и отрезать русских от донских переправ. Поэтому князь и усилил этот фланг.

Пока шли первые столкновения, Дмитрий снял с себя богатый великокняжеский наряд и отдал его своему любимцу Бренку, который встал на коне в центре большого полка под знаменем. А сам князь в одежде простого дружинника отправился в пеший передовой полк. Этому полку предстояло принять первый удар. Дмитрий хотел разделить со своими воинами все опасности великого дня...

И передовой полк принял удар.

Ливень стрел обрушился на русских. А затем густая колонна пеших ордынцев, оцетинившаяся копьями, с ревом навалилась на сомкнутые ряды. Первые повисли на русских копьях и рогатинах, рухнули под ударами длинных топоров. Но сзади напирала разгоряченные толпы.

Полк таял. Скоро он почти весь полег под ударами кривых сабель.

Князь Дмитрий рубился в самой гуще...

Передовой полк погиб не зря. Он сбил яростный натиск атакующих — прорвать русский центр одним ударом враги не смогли.

Теперь бой переместился на позиции большого полка — основы боевого порядка. На узком пространстве уже скопились десятки тысяч сра-

Ордынцы уничтожали селения, угоняли в полон людей.

жающихся. Дрались в тесноте, негде было размахнуться для широкого удара, некуда было вернуться от конских копыт, воины задыхались в горькой пыли...

Полк правой руки, которым командовал князь Андрей Ольгердович, брат Ягайлы, державший сторону Москвы, отбил натиск врага. Но большой полк погиб. Уже прорвались оскаленные ордынские наездники к знамени и зарубили боярина Бренка, уверенные, что рубят великого князя. Уже пали многие воеводы. Ордынцы бешено прорубались сквозь русские ряды, чтобы прорвать центр.

И тут Мамай бросил мощные свежие силы на левый фланг. Полк левой руки, яростно отбиваясь, подался назад. Один за другим убиты были командовавшие им князья Белозерские. И ордынцы наконец получили возможность ударить во фланг большого полка. Но ринулась наперез врагу резервная дружина. На какое-то время фланг большого полка оказался прикрыт. Ненадолго... Левое крыло московской рати откатывалось под напором вражеской конницы. Казалось, еще немного, и полки Дмитрия будут окружены и опрокинуты в овраги, в Непрядву...

И в тот момент, когда, казалось, все было потеряно, положение резко переменялось.

Преследуя опрокинутый левый фланг, гоня отступающих в сторону Непрядвы, стремясь быстрее вырваться к Дону, ордынцы подставили свой тыл и фланг засадному полку.

Можно только удивляться хладнокровию и точному боевому расчету воеводы Боброка. Твердой рукой сдерживал он нетерпение, порыв, негодование своих воинов, видевших, как гибнет русская рать. Он ждал момента. Сурово глядя сквозь нависающие ветви на равнину, на которой вражеские всадники с гиканьем рубили рассыпавшиеся русские отряды, он ждал, пока и ордынская лава растянется, рассыплется, потеряет возможность быстро сконцентрироваться для отпора... И когда Боброк понял, что момент наступил, он выпрямился в седле и вырвал из ножен меч.

— Теперь наш час прispел! — крикнул он хриплым от ярости и волнения голосом. — Дерзайте, братья и други!

Топча мелкий кустарник опушки, сверкая сталью кольчуг и шлемов, вскинув в воздух мечи и сабли, тысячи отборных воинов ринулись вперед во всю прыть своих свежих застоявшихся коней.

Ошеломленные ордынцы заметались.

Услышав боевой клич, почувствовав замешательство врагов, стали поворачивать назад бегущие. Постепенно вся русская рать снова двинулась вперед.

Мамай, наблюдавший бой с вершины высокого холма, бросил навстречу своим отступающим туманам последнее, что у него было, — личную охрану. Возле ордынского лагеря ему удалось организовать оборону. Но распаленные местью русские воины наступали неудержимо...

С несколькими приближенными Мамай покачал в степи.

Сорок верст преследовала конница Дмитрия бегущих ордынцев.

И тут хватились самого великого князя. Нигде не могли найти его. И только после долгих поисков отыскали оглушенного, израненного, под ветвями сваленного дерева. Раны оказались неопасными.

А по Куликову полю было не пройти, не проехать. Более 100 тысяч трупов покрывали его. Дорого стоит свобода...

Это не конец борьбы

Это был не конец борьбы.

Мамай проиграл битву, но не проиграл еще войну. Возможности его были огромны. Русская рать потеряла больше половины состава. Только около 40 тысяч осталось в строю. А Мамай мог быстро собрать на гигантских пространствах своей державы новую мощную армию. Вернувшись в Орду, он энергично занялся этим.

Пока Мамай готовился к новому походу на Русь, молодой, честолюбивый ордынский хан Тохтамыш, противник Мамаея, выступил против него... В битве с Тохтамышем Мамай потерпел поражение, бежал в Крым, и там его убили.

Теперь Тохтамыш, располагающий победоносной армией, претендовал на власть над Русью. Ему удалось пройти кровавым походом по русским землям, взять и сжечь Москву. Но Москва отстроилась. А Тохтамыш был разгромлен новым великим завоевателем, умным и беспощадным властителем Самарканда Тимуром.

Русь получила передышку. Собралась с силами. И только через сто лет ордынская власть рухнула окончательно.

А главный удар был нанесен в великий день 8 сентября 1380 года на берегах Дона и Непрядвы — на Куликовом поле.

Русская рать
возвращалась
со славой.

Обо всем — и по-своему!

Косте Михину 10 лет, живет он в Москве, в огромном благоустроенном городе. Но Косте захотелось нарисовать такие места, где город когда еще будет, а пока отважные люди ведут через тайгу железную дорогу. Вглядишься в Костин рисунок — чего тут только нет! Кран, самосвал, бульдозер, путеукладчик, опоры высоковольтной линии электропередачи, рабочие, водители машин, регулировщик с флажком, кусты и деревья — все уместилось на небольшом листе бумаги. И не тесно им: художник сумел передать ощущение четкой, спокойной работы.

Ну ладно, строительство железной дороги десятилетний москвич все-таки мог увидеть. Но как удалось Мише Метельскому, ленинградцу одиннадцати лет, так детально изобразить освоение Марса? Воображение, или, как обычно говорят в таких случаях, творческая фантазия, подсказало ему очертания неведомых машин и красоту неизвестных мест...

Печальный голубоглазый Пушкин смотрит куда-то мимо тебя, он погружен в свои грустные мысли, может быть, поэт сочиняет стихи... Таким нарисовала его совсем маленькая девочка, Оля Брызгалова шести лет. Наверное, ей не только читали вслух стихи Пушкина, но и рассказывали о его жизни, его гибели.

А вот Наташа Фомина из города Горького ничего не придумывала. Она нарисовала то, что видела летом, когда была в деревне. Ей запомнился великолепный конь — сам вороной, на ногах белые чулки. Наташа сумела не только показать его красоту, но и передать свое восхищение: вон как на него, великана, все усталились — и кошка на заборе и петух...

Свое отношение к тому, что рисуешь, и еще — воображение всегда отличают настоящего художника, даже если художник совсем еще юный и немногому пока успел научиться.

У нас на вернисаже — работы со Всероссийской выставки детского художественного творчества, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

У тех, кто побывал на выставке, глаза разбегались! Рисунки. Фигурки из дерева и глины. Игрушки, которые сразу охота взять в руки, до того они яркие, мягкие, нарядные. Ясное дело — дети делали, кто же лучше их самих знает, во что ребятам нравится играть! И вдобавок разные красивые и полезные вещи, которые нужны людям.

Марина Васильева из села Казаково Горьковской области привезла на выставку вазу из посеребренной филигранны. Марине давно нравится ювелирное дело, с тринадцати лет она занимается в кружке.

— Берешь, — говорит Марина, — темную проволоку, а получается из нее серебряное кружево. Каждый раз другое. Как в сказке прямо. Смотришь — и не веришь, что сама сделала.

Сестры-близняшки Таня и Марина Лёвичевы из города Орла выткали настоящий ковер — яркий, как солнце, подсолнух сияет посередине.

«НЕ ДАДИМ В ОБИДУ!»

Эти смелые слова подхватили уже многие мальчишки и девчонки нашей страны, те, кто встает на защиту птиц, животных, растений. О своих делах они рассказывают в письмах, фотографиях, рисунках, и мы печатаем их на страницах «Пионера» в нашей выставке «Не дадим в обиду!». Вот два письма из нашей почты:

«Однажды я шел по улице, смотрю, а ребята взяли пластмассу, зажгли ее и начали капать. Я подошел к ребятам и говорю: что вы делаете! Ребята мне ничего не сказали. А я посмотрел на землю и увидел, что они капают на муравьев. Мне стало очень жалко их. Я отобрал у них пластмассу и спички, спички я сжег, потому что они мне не нужны. Вот так я спас муравьев».

Алеша Попов, Москва.

«У меня есть дома ежик. Мы с маленькой сестричкой за ним следим и наблюдаем. Вся наша семья любит ежика Тимку. Тимка подружился с соседской кошкой Муркой и часто бывает у нее в гостях. Тимка с Муркой ходят на речку, это выходит очень смешно, кошка бежит и все время оглядывается назад на клубочек».

Мы с Иринкой очень любим всех живых: и птиц и зверюшек. Также мы их охраняем и заботимся. Весной мы делаем скворечники, а зимой кормушки, нам помогают делать их мальчишки Игорь и Славик».

Лихановы Лена — 4-й класс,
Иринка — 6 лет,
г. Елгава Латвийской ССР.

Ждем твоего рассказа, рисунка, фотографии на нашу выставку «Не дадим в обиду!».

Четыре месяца работали. Хватило и терпения и умения.

Галя Фомичева из Горького расписала цветами деревянную тарелку — так издавна разрывывали деревянную посуду в деревнях. Галя с девяти лет изучает старинное мастерство, пробует придумывать свои узоры, мечтает в будущем стать художницей.

Были тут и кружева, и вышивка, и куклы — актеры для кукольного театра.

— Неужели все это детскими руками сделано? — удивлялись взрослые посетители необычной выставки.

— Попробуем и мы так сделать! — говорили ребята, любясь рисунками и поделками.

Пионеры одной из московских школ так и записали в книге отзывов: «Посмотрели выставку, и теперь нам захотелось сделать что-нибудь своими руками».

С. БОГАТЫРЕВА

Мой добрый друг Эно Рауд

Внешне он похож на бравого моряка со сказочного крылатого фрегата. И статью своей, и добрым ростом, и трубочкой пенковой в левой, чуть приподнятой руке. И непонятной таинственностью всего облика — от прически до одежды. Он величественно неговоря, подчеркнута к слову строг. И вместе с тем общителен, приветлив — замечательное свойство! С ним приятно помолчать, приятно слушать тишину, с ним никогда не бывает скучно. Он верный товарищ, заботливый друг, принципиальный человек.

Ну, конечно же, речь об Эно Рауде, известном эстонском писателе, о том самом, что за книги для детей включен в международный Почетный список Ганса Христиана Андерсена.

Часто встречаемся с ним в Москве, в Киеве, в Кишиневе или других братских столицах. Детские писатели — народ подвижный. Всюду у них дела и друзья. Много общих забот, миллионы юных читателей. Страна-то ведь большая, многоязыкая.

Если раздастся дома у меня или в номере иногородней гостиницы поздний телефонный звонок (часика в три ночи!), сразу же догадываюсь, что появился Эно Рауд. Слышится в трубке долгое забавное сопение, за которым исподволь рождается знакомый голос: «Друг! Это — я, Эночка! Мне грустно, я одинок. Вот прилетел. Жду на чашечку кофе». Сон для него — зряшняя трата времени. Являешься, позевывая, по указанному адресу. Странное одиночество! Режется Эно в шахматы с человеком в тельняшке. «Познакомься, мой новый друг — моряк. Не устроился в гостинице. Ему грустно. Вместе нам очень, очень весело...»

Эно Рауд — мастер устного рассказа. Неизменно правдива его серьезная нескладная физиономия, вооруженная добротным веселым носом. Полный юмора, запытанной иронии, он так подчеркнута правдив, что я однажды в аэропорту (надо было другу срочно лететь в Таллин, а билетов не было) представил его кассирше как гостящего у нас Чарли Чаплина. Даже очередь расступилась почтительно, поверив его правдивым, излучающим свет истины глазам. Для Чаплина билетик нашелся!

Прекрасны его сказки для ребят разного возраста! Читаешь и перечитываешь, будоража в себе нежные струны детства. Как естественно мысль становится художественным образом при помощи доброй улыбки! Есть у Эно Рауда и повести, много книг, из которых особенно люблю «Огонь в затемненном городе». В этом произведении речь идет о том, как эстонские ребята в меру сил своих боролись против фашистских захватчиков. Вот и новая сказка, которую вы сейчас прочтете...

О недостатках Эно Рауда... Знаю, один, но очень большой. Он живет в его пенковой неостывающей трубочке. Погостяшь в вигваме Эно Рауда, и потом целую неделю пиджак пахнет табаком.

— Бросьте курить, Эно Рауд! Вам кажется, что это красиво — трубочка, словно Везувий! Но очень и очень вредно. Будьте же до конца настоящим детским писателем. Поберегите и себя и внешнюю среду нашего с вами обитания!

Обнимает ваш прокуренный пиджак —

Богдан ЧАЛЫЙ

Эно РАУД

И СНОВА МУФТА, ПОБОТИНКА И МОХОВАЯ БОРОДА

НОВАЯ КНИГА О НАКСИТРАЛЬЧИКАХ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Слава

Накситральчики зашли в летнее кафе и усе-
лись за круглый столик под полосатым тентом,
похожим на гриб.

— Думаю, надо заказать пирожные, — ска-
зал Полботинка.

— И лимонад, — добавил Муфта.

Моховая Борода не стал возражать.

— Поедим досыта и отправимся в отпуск, —
продолжал Полботинка. — Покатим куда-нибудь
к теплому морю и хорошенько отдохнем.

Муфта и Моховая Борода сочли это предло-
жение разумным. Они были свободны от всяких
дел и наконец-то могли поехать в отпуск.

Однако в отпуск нельзя отправляться нато-
щак, сначала надо основательно подкрепиться.

Накситральчики поглядывали по сторонам в
поисках официантки, но той не было видно.
И тут только они заметили, что все смотрят на
них с нескрываемым любопытством.

Чтобы избавиться от назойливого внимания,
Муфта вытащил из муфты свежую газету, раз-
вернул ее и загородился от любопытных глаз.

— Посмотри-ка, не объявлено ли официаль-
ное разрешение собирать бруснику? — попросил
Моховая Борода. — По-моему, пора.

За последние дни брусника в бороде у Мохо-
вой Бороды совсем созрела, но без официаль-
ного разрешения он не решался ее собирать.

Муфта пробежал глазами газетные строчки.

— Нет, о бруснике ни слова, — сказал он.

И тут щеки Муфты порозовели от волнения.

— О-о! — только и сказал он и, уронив газе-
ту, посмотрел на друзей округлившимися от
удивления глазами.

— Ну? — нетерпеливо спросил Моховая Бо-
рода. — Нашел про бруснику?

— *Может быть, уйдем отсюда? —*
угрюмо спросил Муфта.
Но было уже поздно.

— Да нет же, — сказал Муфта. — Но тут
есть кое-что поинтереснее. Послушайте сами. —
И торжественным голосом он прочитал: — «Мы
все еще помним минувшие дни, когда наш город
страдал от нашествия мерзких крыс. Крысы
грызли нашу пищу, уничтожали наше имущест-
во и пугали наших детей. Мы были на краю
гибели. Но тут появились накситральчики...»

— Накситральчики! — воскликнул Полботин-
ка. — Похоже, это мы!

— Выходит, что так, — кивнул Муфта.
И продолжал читать все так же торжественно:
«Бесстрашно выступили накситральчики про-
тив крыс. С поразительной ловкостью они ввели
в город огромную армию кошек, которые, как на-
летевший шквал, обрушились на крыс. И теперь
самые страшные в истории нашего города дни
навсегда ушли в прошлое. Кто же они, эти нак-
ситральчики, замечательные спасители нашего
родного города? Их легко узнать, потому что

все трое очень маленького роста и напоминают гномов. Муфта всегда одет в большую муфту, для Моховой Бороды характерна борода из природного мха, а Полботинка носит туфли без носов, чтобы удобнее было шевелить пальцами ног. Жильем им служит своеобразный красный автофургон, уютно оборудованный всем необходимым».

А дальше следовали слова, больше всего взволновавшие друзей.

«Дорогие сограждане! — читал Муфта. — Не будем забывать, как мы обязаны накситраллям! Всегда и всюду будем окружать их вниманием и выражать им свое уважение!»

Полботинка тут же приосанился.

— Да-да, — сказал он, победоносно оглядываясь по сторонам. — На нас смотрят не просто так, а как раз с уважением.

Но взглядами дело не ограничилось. Вскоре из-за соседнего столика поднялась приветливая полная тетенька и, любезно улыбаясь, подошла к накситраллям.

— Сердечно благодарю вас, наши маленькие спасители! — проворковала она. — Благодаря вам у меня в подвале сохранилось еще много банок с вареньем. Крысы успели только проникнуть в подвал, когда вы вместе с кошками вошли в город и положили конец крысиному нашествию.

И прежде чем накситралли успели что-нибудь ответить, она вынула из сумки три шоколадные конфеты и сунула каждому в рот по конфете.

Накситралли не знали, что и думать. Против конфет они, разумеется, не возражали, но, с другой стороны, они же не малые дети, которым можно совать в рот конфеты на глазах у стольких зрителей!

Но дальше дело приняло уж совсем невозможный оборот. Женщина схватила Муфту за руки и стала с воодушевлением его тискать.

— Ах ты, моя крошечка! — приговаривала она, гладила его по шерсти и против шерсти. Муфта покраснел как рак и даже вспотел.

— Прошу вас, пожалуйста, — умоляюще бормотал он, — я вас очень прошу, перестаньте, хватит, довольно...

Моховая Борода и Полботинка хмуро наблюдали за этой сценой, совершенно не зная, как помочь другу.

Наконец женщина опустила Муфту на стул.

— Неслыханно, — уныло пробормотал растрепанный Муфта и принялся искать в муфте расческу, чтобы хоть немного привести себя в порядок.

Тем временем женщина подошла к Полботинку.

— Ах ты, мой птенчик! — сказала она, улыбаясь, протянула руки и собралась было схватить на руки Полботинку.

Но тут произошло нечто неожиданное, нечто просто невероятное. Раздался испуганный визг, тетенька молниеносно отскочила. Улыбка мгновенно исчезла с ее лица, а на ее руке явно проступили следы маленьких зубов.

Муфта и Моховая Борода оторопели. Конеч-

но, они тоже осуждали назойливость, однако кушаться — это, по их мнению, было уж слишком.

— Полботинка! — сурово сказал Моховая Борода. — Ты укусил даму. Как это могло случиться?

Полботинка и глазом не моргнул.

— Я получил шоколадную конфету, — ответил он. — Но это не значит, что я позволю себя тормошить.

К счастью, женщина быстро оправилась от испуга.

— Ах ты, маленький шалунишка! — сказала она и погрозила Полботинку пальцем. — Я же не со зла... Не стоило так горячиться.

Она даже попыталась улыбнуться, но улыбка получилась кислая. В конце концов она вернулась к своему столику.

Таким образом, происшествие закончилось сравнительно благополучно, однако настроение у друзей испортилось.

— Может быть, уйдем отсюда? — угрюмо спросил Муфта.

Но было уже поздно.

— Добро пожаловать в наше скромное летнее кафе! Мне очень приятно вас обслужить.

Это сказала официантка, которая наконец-то подошла к столику друзей и стала ставить на стол пирожные и бутылки с лимонадом всех сортов.

— Извините, — проворчал Моховая Борода. — Здесь, видимо, какое-то недоразумение: мы еще ничего не заказывали.

Официантка лукаво улыбнулась.

— Вы спасли наш город от крыс, — сказала она. — Не будь вас, крысы съели бы наши пирожные все до последнего и не оставили бы даже муки, чтобы испечь новые. Теперь кафе в знак благодарности угощает вас бесплатно.

Официантка пожелала друзьям приятного аппетита и удалилась.

— Прямо завалила стол пирожными, — удовлетворенно отметил Полботинка, накладывая угощение на свою тарелку. — Вот это я понимаю!

— В самом деле, — кивнул Муфта. — Боюсь только, что нам всю эту грудку не осилить.

Но Моховая Борода сказал:

— Оно, конечно, обременительно, однако меня гораздо больше тревожит бремя славы.

— Я никогда не думал, что оно такое тяжелое, — заявил Муфта. — Уставились на нас, как на зверей невиданных. И к тому же еще это несносное тисканье.

— Нам необходим хороший отдых, — добавил Полботинка.

Они принялись за угощение, чтобы поскорее отправиться отдыхать.

Автографы

— Я сыт по горло, — сообщил Муфта.

— В меня тоже больше не лезет, — вздохнул Моховая Борода.

А Полботинка сказал:

— С одного пирожного я, пожалуй, еще мог бы съесть ягоды — и тогда все.

Стол ломился от пирожных и лимонада, а официантка снова шла к ним с полным подносом.

— Пожалуйста, — обратился Моховая Борода к официантке, — не приносите нам больше ничего. Пирожные, конечно, очень вкусные, и лимонад шипит чудесно, но всему на свете есть предел.

Официантка пожала плечами.

— Я понимаю всю трудность вашего положения, — сказала она сочувственно. — Но от кафе я уже больше ничего не приношу. Дело в том, что посетители тоже хотят вас угостить. Например, дама, которую укусили, заказала для вас двадцать четыре пирожных.

Моховая Борода разглядывал воробьев, которые щебетали в летнем кафе среди столов и стульев, выскивая сладкие крошки.

— Мы могли бы эти пирожные отдать птичкам, — сказал он.

Официантка покачала головой.

— Так не годится, — сказала она. — Это может обидеть тех, кто их вам подарил. Придется управляться своими силами.

С этими словами она устала стол лакомствами и быстро отошла.

Накситралли растерянно переглянулись.

— По-моему, пора удирать, — сказал наконец Муфта.

— Похоже, выхода у нас нет, — кивнул Полботинка. — Попробуем дать стрекача от собственной славы.

А Моховая Борода заявил:

— Слава, как тень, преследует тебя повсюду. Однажды заслужив славу, от нее уже никуда не денешься. Но попытаться сбежать все-таки можно.

Решение было принято, оставалось выбрать момент для побега. Едва официантка у одного из дальних столиков углубилась в подсчеты,

как друзья быстро соскочили со стульев и выскользнули из кафе...

Машина Муфты стояла поодаль, на стоянке, и они со всех ног пустились туда.

— До чего унижительно, — пыхтел Моховая Борода.

— Мы ни в чем не провинились, а убегаем, словно какие-нибудь жулики.

— И от чего? — подхватил Полботинка. — От славы!

Вскоре, однако, выяснилось, что скрыться от славы и в самом деле нелегко. Едва они успели добежать до площадки, как какой-то юноша решительно преградил им дорогу.

— Пожалуйста, задержитесь на минуточку, мои дорогие спасители, — сказал он, вежливо поклонившись. — У меня к вам очень серьезная просьба.

Запыхавшись, накситралли остановились.

— Очень сожалеем, — запальчиво ответил Полботинка, — но у нас только что начался отпуск, а в отпуске серьезными делами не занимаются.

Юноша смутился.

— Прошу прощения, — сказал он и снова поклонился, — Я не знал, что вы в отпуске, и мне очень хотелось попросить у вас автограф.

— Ах, автограф, — пробормотал Моховая Борода.

— Ну, что ж, так и быть, — сказал Муфта.

А Полботинка был даже несколько польщен.

— В такой мелочи отказать нельзя, — сказал он дружелюбно.

Юноша протянул записную книжку, и друзья вписали туда свои имена.

— Благодарю вас от всей души, — сказал юноша, сияя от счастья. — Простите, что побеспокоил вас во время отпуска.

Накситралли направились к машине, чтобы наконец начать свой отпуск. Едва они сделали несколько шагов, как перед ними появился по-

Муфта подъехал к месту происшествия.

жилой человек с портфелем. Он вытащил чистый лист бумаги и сказал скрипучим голосом:

— И мне автограф!

— К сожалению, мы очень спешим, — проборкотал Муфта и попытался пройти мимо.

А Моховая Борода пояснил:

— Мы торопимся в отпуск, у нас нет ни минуты времени.

Человек с портфелем рассердился.

— Ах, так! Одним можно, а другим нет! — прокрипел он. — Я такой же гражданин, как и тот юноша, которому вы только что дали автограф!

Друзья поняли, что с таким строптивым человеком лучше не связываться, и, не говоря ни слова, написали на листке свои имена. Мужчина даже «спасибо» не сказал и удалился, ворча что-то себе под нос.

— Пожалуйста, автограф!

— И мне тоже!

— И мне!

Накситралли испуганно огляделись. Вокруг них собралась порядочная толпа. Каждый держал в руках записную книжку, календарь, а то и просто листок бумаги. Каждый хотел получить автограф. Друзьям ничего не оставалось, как продолжать расписываться:

«Моховая Борода, Полботинка, Муфта»...

«Моховая Борода, Муфта, Полботинка»...

«Полботинка, Муфта, Моховая Борода»...

И так далее и так далее...

Это была тяжелая работа. Куда более изнурительная, чем можно было предположить. Но, что всего хуже, вместо того, чтобы уменьшаться, толпа вокруг них все увеличивалась и увеличивалась.

— Помогите, мне дурно! — вскрикнул вдруг Полботинка.

Он беспомощно раскинул руки, пошатнулся и рухнул наземь.

Толпа испуганно зашумела.

— Он в обмороке! — воскликнул кто-то.

А кто-то другой добавил чуть ли не с восхищением:

— Писал, писал и — рухнул!

— Может, он совсем концы отдал! — расталкивая толпу метлой, предположил высокий мужчина с пшеничными усами, по-видимому, дворник — иначе зачем бы ему метла?

Замечание дворника вмиг облетело толпу, и она загудела еще тревожнее.

Полботинка тем временем по-прежнему лежал на земле, а Муфта и Моховая Борода стояли около него, и, казалось, сами готовы были потерять сознание от испуга.

Первым оправился Моховая Борода.

— Полботинка надо отнести в машину, — сказал он. — И немедленно отвезти к врачу.

— А может, подогнать машину сюда? — оживился Муфта. — Это, пожалуй, вернее, потому что у машины колеса есть, а у Полботинка — нету.

Словно желая убедиться, что у Полботинка и в самом деле нет колес, Моховая Борода взглянул на его ноги. И был поражен, увидев, что

Полботинка с невероятной быстротой продолжает шевелить пальцами — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Иди, подгони машину, — сказал Моховая Борода Муфте, — а я побуду здесь и позабочусь, чтобы толпа не растоптала Полботинка.

Муфта стал решительно проталкиваться к машине, пробираясь среди человеческих ног, как в дремучем лесу.

К счастью, на помощь ему подоспел дворник. Он метлой расчищал Муфте дорогу, и, хотя с трудом, они оба продвигались вперед.

Это заняло немало времени, но в конце концов Муфта уселся за руль и завел мотор. Теперь помощь дворника уже не требовалась, поскольку Муфта не снимал руки с кнопки гудка, и громко сигналивший фургон вызывал большее почтение, чем даже дворник с метлой. Просто удивительно, как это удалось тесно столпившимся людям, но они проворно расступились, и скоро Муфта подъехал к месту происшествия.

Носилок у друзей не было, но зато у них была раскладушка, которую Муфта тут же вытащил из машины.

— Осторожно! — крикнули из толпы. — У него может быть сотрясение мозга! А с сотрясением мозга шутки плохи.

Муфта и Моховая Борода и без того очень осторожно устраивали Полботинка на раскладушке.

И тут раздался чей-то звонкий голос:

— Смотрите! У бедняжки судорога сводит пальцы!

«Пальцы. Ну конечно же, — подумал Моховая Борода. — Полботинку следовало бы завести новые ботинки и не отрезать у них носов. На случай обморока. А то и впрямь странно видеть, что он даже в беспамятстве так быстро шевелит пальцами ног».

Размышляя обо всем этом, Моховая Борода взялся за раскладушку сзади и прикрыл бородой ноги Полботинка, чтобы не было видно, как тот шевелит пальцами. Муфта поднял изголовье, и вскоре все трое оказались в машине.

Едва фургон Муфты успел отъехать от стоянки и свернуть на первую попавшуюся улицу, как Полботинка сел на раскладушке.

— Ну? — радостно спросил он. — Оценили мою военную хитрость?

Моховая Борода просто оторопел от неожиданности.

— Военная хитрость... — запи...сь, повторил он. — Так, значит, твой обморок был не чем иным, как военной хитростью? А мы-то с Муфтой перепугались!

Полботинка рассмеялся.

— А что мне оставалось? — объяснил он, очень довольный собой. — Я устал до смерти и даже еще больше. А охотники за автографами все напирают и напирают.

— Я от этих автографов до сих пор не очухался, — сказал Муфта. — Но, к сожалению, я не могу падать в обморок: мне надо части машины.

— Совершенно верно, — кивнул Полботинка, — ты должен доставить нас к теплему морю.

— Да это же вы! —
радостно воскликнул
администратор.

— Надо надеяться, что на берегу моря мы сбросим с себя бремя славы, — сказал Муфта. — Не думаю, что наша слава распространилась особенно далеко за пределы города, и едва ли на берегу моря кто-нибудь потребует у нас автограф.

Полботинка радостно улыбнулся.

— Я уже сейчас представляю себе, как закроюсь на пляже в песок, — сказал он, улыбаясь. — Захватчу пару бутылок лимонада и время от времени буду отхлебывать по глотку или в крайнем случае по два. Это очень приятно. Конечно же, очень приятно.

В гостинице

Друзья едва успели доехать до ближайшего перекрестка, как Муфте пришлось резко затормозить.

— Наши славные освободители! — слыша-

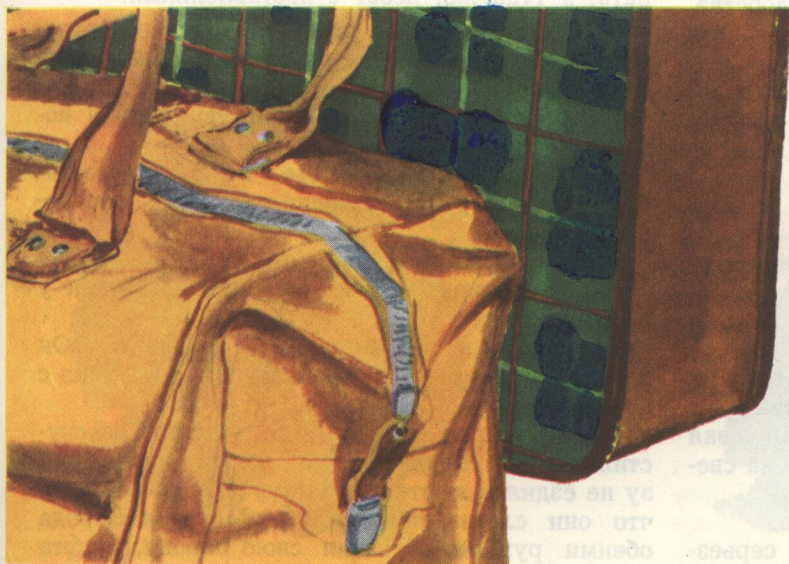
лось вокруг. — Наши отважные маленькие любимцы!

Народ толпился вокруг машины, и неизвестно, чем бы вся эта история кончилась, если бы на большом доме, близ которого они остановились, Муфта вдруг не увидел огромную вывеску. На ней было написано одно-единственное слово: «Гостиница».

— Дорогие друзья, — сказал Муфта. — Ясно, что сейчас нам из города не выбраться. Почему бы нам в таком случае не остановиться в гостинице? Возьмем комнату и спокойно отдохнем. А завтра рано утром, пока улицы еще безлюдны, мы беспрепятственно уедем отсюда.

Холл гостиницы кишел людьми, одни выходили, другие входили, одни пререкались с администратором, другие выбирали в журнальном киоске журналы или в киоске «Сувениры» —

*Моховая Борода озабоченно наблюдал,
как двери лифта сами открывались
и закрывались.*

сувениры. Носильщики в форменной одежде толкали перед собой на тележках целые горы чемоданов от входной двери к лифтам, а от лифтов — к входной двери. Накситралли с удовольствием заметили, что не привлекают особого внимания. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: в гостиницах останавливаются жители дальних городов и даже чужестранцы, которые, может, еще и вовсе ничего не знают о замечательной деятельности накситраллей.

Они подошли к администратору. Как раз в этот момент у него не оказалось очереди и он углубился в какой-то список. Лицо администратора было непрístupное, неприветливое, и друзья долго набирались смелости, прежде чем решились обратиться к нему.

— Мы хотели бы попросить комнату, — сказал наконец Муфта.

А Моховая Борода уточнил:

— Мы хотели бы попросить комнату с балконом.

Администратор не поднимал глаз от своего списка.

— У вас комната заказана? — спросил он.

Накситралли не совсем поняли смысл вопроса и скромно промолчали. Администратор продолжал изучать свой список. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Есть у вас хотя бы командировки? — наконец спросил он.

Только теперь администратор поднял глаза от своего списка и посмотрел на накситраллей. Его хмурое лицо тут же посветлело.

— Но послушайте! — радостно воскликнул он. — Да это же вы!

— Конечно, мы, — буркнул Полботинка. — Кто же еще!

— Что же вы сразу не сказали? — сладко улыбнулся администратор.

Ему как местному жителю слава накситраллей была, несомненно, известна, и его словно подменили. Он отложил список и начал торопливо перебирать какие-то другие бумажки.

— Может быть, вас устроит двухкомнатный номер «люкс»? — спросил он затем. — Там очень просторно и, разумеется, все удобства.

— А балкон? — полюбопытствовал Моховая Борода. — Балкон-то там есть?

— Балкона, к сожалению, нет, — сказал администратор. — Но ванная там просто великолепная.

Полботинка помрачнел:

— По-вашему, Моховая Борода должен спать в ванне?

Резкий тон Полботинка смутил администратора.

— Пожалуйста, извините, — сказал он. — Вы, видимо, не так меня поняли. В номере «люкс», правда, всего две кровати, но один из вас, может быть, согласится спать на диване?

— К сожалению, нет, — ответил Моховая Борода. — Дело в том, что я сплю только на свежем воздухе.

Администратор погрузился в раздумье.

— В таком случае у нас возникают серьез-

ные трудности, — сказал он наконец. — Не могу же я послать вас ночевать во двор?

— А почему бы и нет? — оживился Моховая Борода. — Что за беда — переночевать во дворе?

Администратор с заметным облегчением вздохнул.

— Двор у нас в полном порядке, — торопливо заверил он. — Там имеется вполне приличная собачья конура. Мы сдаем ее гостям, у которых случается с собой большая собака. С номером «люкс» конуру, конечно, не сравнить, но при нашем росте, я думаю, вы как-нибудь устроитесь. Я распорядюсь, чтобы туда принесли свежего сена, или вы предпочитаете подушки?

— Большое спасибо, не надо ничего, — отозвался Моховая Борода. — Я люблю спать на голой земле.

— Ну, тем лучше, — сказал администратор. — Если уж у вас так принято, то — пожалуйста.

Он выписал квитанцию, дал друзьям ключ от двухкомнатного номера «люкс» и пожелал им всего наилучшего. Друзья заплатили за номер, после чего направились к лифтам, чтобы подняться на тринадцатый этаж, где находился их «люкс».

Моховая Борода озабоченно наблюдал, как двери лифта сами открывались и закрывались.

— Тринадцатый этаж, — бормотал он. — Это не предвещает ничего хорошего. Если моя борода застрянет в дверях лифта, а он возьмет да и испортится, то мне, пожалуй, будет не очень приятно дожидаться монтера.

На всякий случай он сунул бороду под рубашку.

И тут друзья столкнулись с неожиданным препятствием. К ним подошел одетый в форменный костюм молодой служащий гостиницы и заносчиво сказал:

— Детям, если с ними нет взрослых, пользоваться лифтом строго воспрещается.

— Гляди-ка, какой важный! — ошетинился Полботинка. — Самому едва минуло четырнадцать, а туда же, лезет с наставлениями.

Моховой Бороде не оставалось ничего другого, как вытащить из-под рубашки свою моховую бороду.

Он подошел к юноше вплотную, поднял выше свою бороду и сказал:

— Извините, пожалуйста, но вы когда-нибудь видели у несовершеннолетнего такую бороду?

А Полботинка ядовито прибавил:

— Во всяком случае, это не пушок, как у некоторых.

Теперь уж юноше пришлось замолчать. Он покраснел как рак и, пристыженный, отступил с дороги накситраллей.

Друзья вошли в лифт, который как раз спустился вниз. Ни один из них до сих пор ни разу не ездил в лифте, и поэтому вполне понятно, что они слегка волновались. Моховая Борода обеими руками обхватил свою бороду, Муфта

сильно вспотел, а пальцы Полботинка шевелились с исключительной быстротой.

Но все сошло благополучно, и на тринадцатом этаже друзья вышли из лифта.

— Мощная штука, — одобрил Моховая Борода. — Жаль только, что мы не достигли состояния невесомости.

Нежданная гостья

Двухкомнатный номер «люкс» полностью оправдывал свое название. Здесь были две комнаты, а также всяческая роскошь, например, графин с водой, который Полботинка тотчас же опустошил.

Моховая Борода подошел к большому зеркалу в золоченой раме и принялся расчесывать свою всклокоченную бороду. Муфта рассматривал висевшие на стенах картины.

Муфте с детства нравились картинки из жизни животных, и сейчас он очень обрадовался, заметив большую картину, на которой были изображены три медведя, играющие в лесу.

— Три медведя! — воскликнул он. — Представьте себе, три медведя сразу!

— На то и номер «люкс»! — заявил Полботинка. — В других комнатах уж точно медведей меньше.

— Как жаль, что мне в свое время не удалось выучиться на художника, — вздохнул Муфта, и в его голосе прозвучала неподдельная грусть. — Так здорово было бы нарисовать медведей или каких-нибудь других зверей.

— Ты мог бы и теперь попытаться это сделать, — сказала Моховая Борода. — Ведь учиться никогда не поздно.

— Начинать надо с зверей попроще, — подержал Полботинка. — Ну, например, с дождевых червей. И когда у тебя уже получится дождевой червяк, ты постепенно перейдешь к более

сложным зверям. Я лично ничуть не удивлюсь, если в конце концов тебе удастся нарисовать даже кенгуру.

Но Муфта безнадежно махнул рукой.

— Да перестаньте вы, — сказал он. — Для меня время учебы давно прошло, и не стоит меня утешать.

Едва он успел это сказать, как на письменном столе резко задребезжал телефон. Это было настолько неожиданно, что накситралли вздрогнули.

— Вот тебе раз! — проворчал Полботинка. — Звенит, как колокольчик у козы на шее.

— Не будем снимать трубку, — сказал Моховая Борода. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

Но Полботинка оказался проворнее всех и схватил трубку.

— Алло!

— Это комната накситраллей? — произнес нежный женский голос настолько громко, что Муфта и Моховая Борода тоже услышали его.

— Не комната, а номер «люкс» с тремя медведями, — важно ответил Полботинка. — Откуда говорят?

— Я говорю снизу, из холла гостиницы, — сказала незнакомка. — Дело в том, что мне обязательно, непременно и причем сейчас же необходимо встретиться с вами.

— А кто вы такая? — Этот вопрос прозвучал не особенно вежливо, но незнакомка, казалось, ничуть не обиделась.

— Я сейчас поднимусь к вам, — сказала она. — Тогда вы сами увидите.

Дзинь... И в трубке зазвучали короткие гудки.

Ждать пришлось недолго, через несколько минут в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Полботинка.

И незнакомка вошла в комнату.

Это была женщина средних лет, нарядно одетая и явно следившая за своей внешностью. У нее было приятное лицо. Оно, пожалуй, было

Полботинка оказался проворнее всех и схватил трубку.

бы еще приятнее, если бы губы не были так ярко накрашены.

— Здравствуйте, мои маленькие друзья, — сказала незнакомка, любезно улыбаясь. — Я увидела у подъезда гостиницы вашу машину и сразу догадалась, где вас искать.

В ответ на неуклюжее приглашение Муфты она села в кресло, некоторое время разглядывала трех медведей и, наконец, сообщила печально:

— Если хотите знать правду, то я одинокий человек. Я тоскую по живому слову. Именно поэтому я и пришла.

— Ах, значит, вы пришли просто побеседовать? — удивился Моховая Борода.

— Ну не только... — продолжала дама. — Если быть откровенной до конца, то я пришла сюда в надежде найти постоянного собеседника. У меня долго жила собачка, очаровательное создание, но недавно ее жизнь угасла от старости. И вот я пришла посмотреть, может быть, кто-нибудь из вас сможет мне заменить ее.

— Заменить собаку?.. — в замешательстве пробормотал Моховая Борода.

— Вот именно, — улыбнулась дама.

В комнате стало очень тихо.

— Извините, — обратился к даме Муфта. — Но каким образом собачка могла быть вашей собеседницей? Ведь собаки вообще не умеют разговаривать!

— Вы слишком односторонне понимаете беседу, мой милый, — снова улыбнулась дама. — Собеседник совсем не должен непрерывно говорить. Очень важно уметь слушать. А это моя собачка делала совершенно очаровательно.

Наступившее молчание снова прервала гостья.

— У меня вполне приличные жилищные условия, — сказала она. — И конечно же, я беру на себя полное обеспечение.

Сказав это, дама окинула накситраллей внимательным взглядом.

— Борода подошел бы больше всех, — заявила она.

— Вы это обо мне? — вздрогнул Моховая Борода. — Вы меня имеете в виду?

— Вот именно, — кивнула дама. — Вы к тому же весьма декоративны. Как живая ваза!

Затем она повернулась к Полботинку и Муфте и добавила:

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь на мой выбор. Предпочитая Бороду, я совсем не хочу унижить вас. Всех троих я никак не могу взять к себе, у меня стало бы тогда слишком тесно.

— Помилуйте! — воскликнул Моховая Борода. — Я ведь все-таки...

— Понимаю, понимаю, — прервала его дама. Вы — накситралль, не так ли? Именно поэтому-то я и хочу, чтобы вы были у меня. Видите ли, есть люди, которые держат собаку или кошку, попугая или черепаху, хомяка или морскую свинку, но я еще никогда не слышала, чтобы у кого-нибудь жил настоящий накситралль. Таким образом, держать накситралля было бы весьма оригинально, вы не находите?

Моховая Борода мучительно искал какой-нибудь веский довод, чтобы дама наконец оставила его в покое и отказалась от своих планов. Но ему, как назло, ничего не приходило в голову. И тут вместо него вдруг заговорил Муфта.

— От одиночества обычно бывает бессонница, — сказал он. — Я думаю, что и у вас бывают бессонные ночи.

— Это правда, — призналась дама. — Бессонница действительно мучает меня.

— Вот видите, — продолжал Муфта. — Однако дело в том, что Моховая Борода спит только на открытом воздухе. Таким образом, по ночам вам не удалось бы с ним беседовать, и бессонница по-прежнему продолжала бы вас мучить.

Полботинка сразу сообразил, куда клонит Муфта, и вдохновенно добавил:

— Даже здесь, в номере «люкс», Моховая Борода не может сомкнуть глаз и на ночь уходит спать во двор.

— Ах, неужели? — Дама удивленно подняла брови. — Странная привычка. Но ведь от каждой привычки можно избавиться.

Тем временем Моховая Борода уже собрался с силами.

— Я ни за что на свете не брошу своих друзей, — заявил он решительно. — Мы трое неразлучны и всегда разделяем друг с другом и радость и беду.

— Прекрасно сказано, — заметил Муфта и смахнул набевшую слезу.

Полботинка тоже был растроган твердостью Моховой Бороды.

— Наш славный Моховая Борода по-настоящему верный друг, — сказал он и добавил, обращаясь к даме: — Так что вам все-таки придется обзавестись новой собачкой. Или, скажем, этим... как его... морским львом, что ли...

Дама обиделась.

— Нечего меня поучать, молодой человек, — отозвалась она. — Лучше уж шевелите пальцами, а не языком. Заведу ли я себе морского льва или морскую гидру, это вас не касается!

— Пожалуйста, извините, — поспешил Муфта успокоить даму. — Я уверен, что Полботинка не хотел сказать ничего плохого. Я, например, с огромным удовольствием нарисовал бы морского льва. Но, к сожалению, мне не удалось выучиться на художника. Так что волей-неволей это остается несбыточной мечтой.

Разумные слова Муфты возымели свое действие.

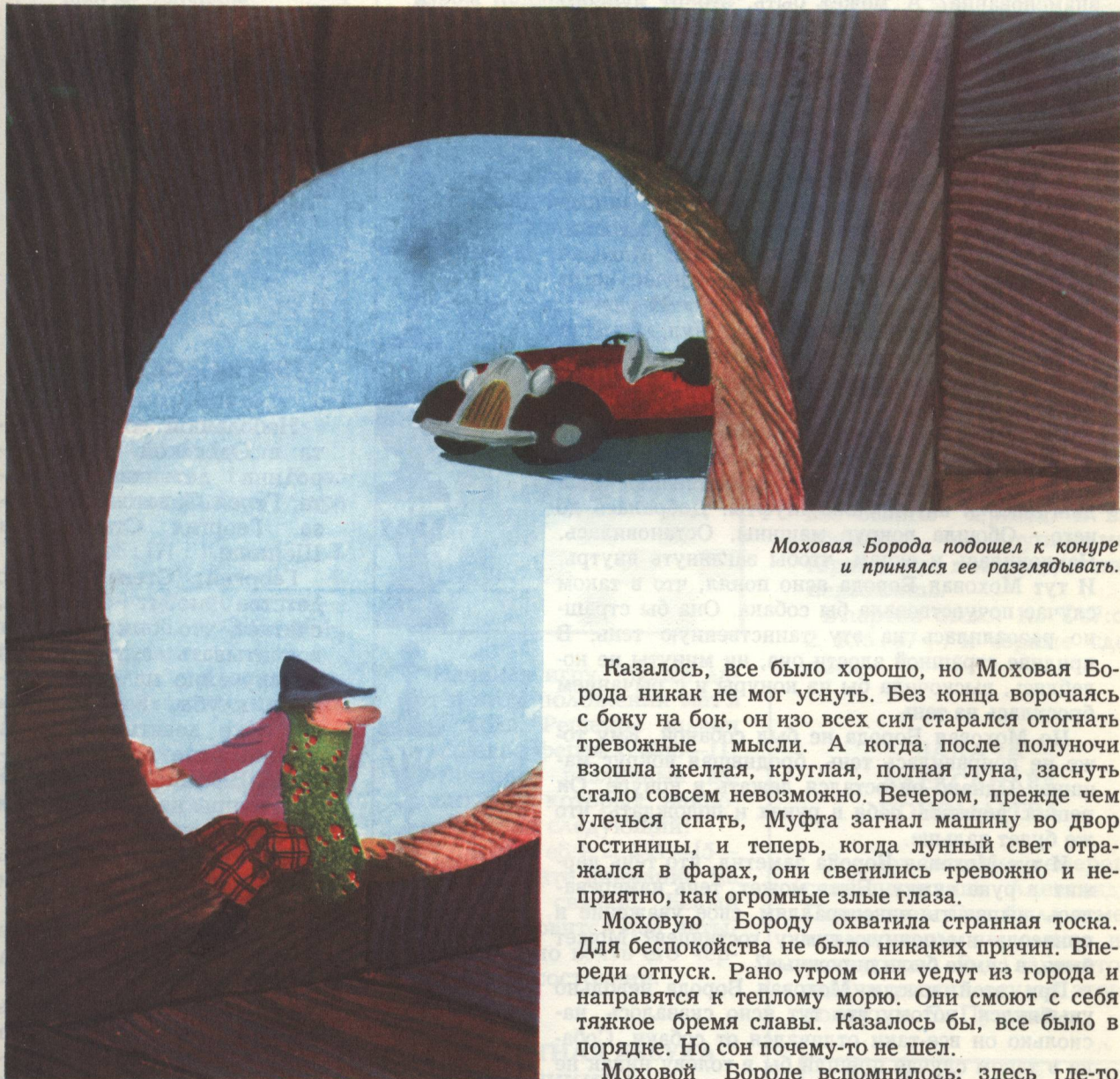
— Мечты никогда не приносят вреда, — уже совсем ласково ответила дама. — Мечты совершенно необходимы, особенно одиноким людям.

Затем она встала с кресла, поправила перед зеркалом прическу и тихо сказала:

— Ну, я пошла. До свидания, мои дорогие.

— До свидания, — хором ответили накситралли. Дверь открылась и закрылась. Гости больше не было. Накситралли молчали. И тут вдруг снова зазвонил телефон. Так же громко и неожиданно, как в первый раз.

Полботинка взял трубку.

Моховая Борода подошел к конуре и принялся ее разглядывать.

— Это комната накситраллей? — спросил незнакомый женский голос.

— Это жилище мечты... — ответил Полботинка и положил трубку.

Таинственная тень

Моховая Борода прохладился в гостиничном дворе под кустом сирени. Наступила ночь, в ресторане гостиницы умолкла музыка, на улицах воцарилась тишина: не слышно было ни шума машин, ни людских голосов. И в окнах номера «люкс» на тринадцатом этаже свет давно погас. А высоко в темном небе загорелись звезды.

Казалось, все было хорошо, но Моховая Борода никак не мог уснуть. Без конца ворочаясь с боку на бок, он изо всех сил старался отогнать тревожные мысли. А когда после полуночи взошла желтая, круглая, полная луна, заснуть стало совсем невозможно. Вечером, прежде чем улежась спать, Муфта загнал машину во двор гостиницы, и теперь, когда лунный свет отражался в фарах, они светились тревожно и неприятно, как огромные злые глаза.

Моховую Бороду охватила странная тоска. Для беспокойства не было никаких причин. Впереди отпуск. Рано утром они уедут из города и направятся к теплому морю. Они смоят с себя тяжкое бремя славы. Казалось бы, все было в порядке. Но сон почему-то не шел.

Моховой Бороде вспомнилось: здесь где-то должна быть собачья конура! Теперь, когда Моховую Бороду хотели взять в дом вместо собачки, его вдруг очень заинтересовала собачья жизнь. Он решил отыскать собачью конуру.

Ага, вон она! В лунном свете он сразу ее разглядел. Совсем как маленький домик, только без окон, а вместо двери — круглая дыра. Конура как конура.

Моховая Борода, не торопясь, подошел к конуре и принялся ее разглядывать.

— Интересно, как собаки чувствуют себя в подобной конуре? — подумал он. И чтобы яснее представить себе это, забрался в будку и по-собачьи улегся в ней.

— Ничего, не так уж плохо, — решил Моховая Борода, вылезая из будки.

Он попытался представить себе, что он — собака. Что может чувствовать собака, лежа в своей конуре? Моховая Борода затрундился ответить на этот вопрос. Сам он по-прежнему ощущал тревогу и беспокойство, что-то словно скребло по сердцу. Уж не плохое ли это пред-

знаменование? А может быть, это от лунного света?—пытался успокоить себя Моховая Борода. Ведь лунный свет может иногда навевать тревожные мысли — это ни для кого не секрет.

Быть может, и собаки при луне испытывают такую же тоску, какая сейчас напала на него, потому они и воют на луну?

А луна тем временем стала спускаться к горизонту и смутные тени во дворе становились все длиннее и длиннее. Что может чувствовать собака, глядя на эти тени?—подумал Моховая Борода. — Что происходит в собачьей душе, когда она смотрит на заходящую луну?» И вдруг...

Вдруг Моховая Борода вздрогнул. Он так вжилась в собачью жизнь, что вот-вот готов был залаять и лишь с большим трудом удержался от этого.

Во дворе появилась еще одна тень. Раньше ее не было. И она оказалась тенью человека!

Медленно и осторожно таинственная тень двигалась к автомобилю Муфты. Добралась до него. Обошла вокруг машины. Остановилась. Наклонилась к окнам, чтобы заглянуть внутрь. И тут Моховая Борода ясно понял, что в таком случае почувствовала бы собака. Она бы страшно разозлилась на эту таинственную тень. В приливе страшной злости она, ни минуты не колеблясь, выскочила бы из конуры и с рычанием бросилась на тень.

Но Моховая Борода не был собакой. Ему тоже не понравилась тень, бродившая вокруг машины. Однако он остался лежать в конуре. Он решил держать себя в руках и подождать, что же будет дальше.

И тут Моховая Борода заметил, что тень держит в руке сумку. Быть может, тень намеревалась выразить накситраллям свое уважение и принесла им полную сумку гостинцев? Может быть, в сумке были пирожные?

При этой мысли Моховая Борода невольно улыбнулся, потому что тут ясно сказалось, насколько он все-таки отличался от собаки. Собаке в таком случае пришли бы в голову никак не пирожные, а скорее всего кости.

А тень тем временем опять зашевелилась и медленно отошла от машины. Большая хозяйственная сумка покачивалась у нее в руках так плавно и легко, что Моховая Борода понял: сумка пуста. Нет там никаких пирожных и никаких костей и вообще ничегошеньки нет.

Моховая Борода уснул. И увидел чудесный сон.

Ярко светит солнце... Мама вынесла колыбельку на сенокос. Моховая Борода совсем еще малыш, такой кроха, что борода у него едва доросла до груди. Тут подходит мама, ласково берет Моховую Бороду на руки и укладывает его в колыбель.

А колыбель тихо покачивается, — так мерно, так уютно.

Перевел с эстонского Л. ВАЙНО.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ

В СТРАНЕ ШАХА

И ВЕЛЫХ ПОЛЕЙ

ПРИЗЫ КОСМОНАВТА

Небольшой городок Балта в Одесской области — родина летчика-космонавта, Героя Советского Союза Георгия Степановича Шонина.

Георгий Степанович с детства любит шахматы, считает, что они помогают воспитывать характер. И не случайно на соревнованиях клуба «Белая ладья» вот уже десять лет есть специальные призы космонавта Шонина.

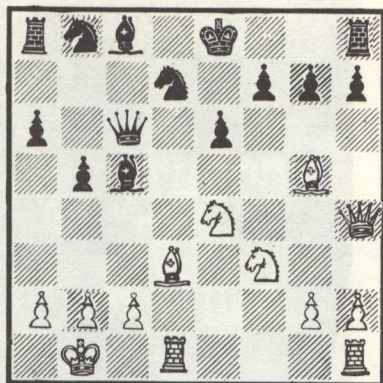
Турниры на эти почетные призы понравились ребятам, стали традиционными. Они привлекают десятки тысяч участников.

В этом году финальные встречи лучших команд пионерских дружин Одесской области проводились в городе Котовске. Борьба за победу была очень упорной. Первое место заняла команда из города Ильичевска. Станислав Савченко, Олег Лозоватый, Виталий Довженко, Володя Юрченко и Вера Денисенко выступили отлично. Они набрали 24 1/2 очка из 25 возможных.

На второе место вышли юные шахматисты Кодымской средней школы, третьими были одесситы.

Лучший личный результат у Станислава Савченко. Вот как закончился его поединок с Игорем Альтманом (Одесса).

У белых позиционное преимущество. Они опередили противника в развитии фигур, черный король

застрял в центре доски и попадает под обстрел неприятельских сил.

1. Кf3—e5! Фс6—c7.

Проигрывает 1... К:e5 ввиду неожиданного удара 2. С:b5!

2. Ке5:f7! Кре8:f7 3. Лh1—f1+ Крf7—e8 4. Фh4—h5+ g7—g6 5. Ке4—d6+! Сс5:d6. 6. Фh5:g6+. Черные сдались.

Станислав красиво и сильно провел эту партию.

ИЗ ПОЧТЫ ПЕШКИНА

«У нас в школе не проходят турниры клуба «Белая ладья». Как-то физрук предложил мне собрать команду для участия в соревнованиях. И что бы ты думал, Пешкин? У нас в классе в шахматы играют только четыре человека. Решил я организовать клуб и научить ребят играть в шахматы. Но ничего не вышло. Посоветуй, как быть».

Такое письмо прислал ученик 21-й херсонской школы **Леня Якимов**.

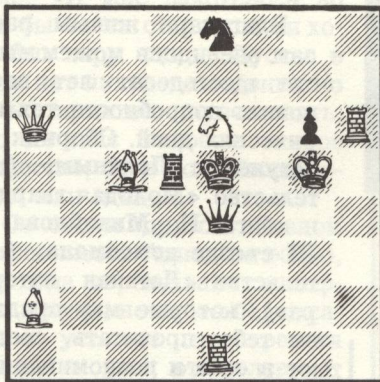
Пешкин просит своих друзей прислать в редакцию ответы Лене Якимову. Расскажите, как вы организовали свои школьные шахматные дела, посоветуйте, как ему быть...

А теперь Пешкин отвечает на вопрос **Сергея Михайлова** (Свердловск). У Сергея третий спортивный разряд.

«Хотел бы увидеть,— пишет Сережа,— пример связки фигур и пешек, при ко-

тором подвижность связанных фигур и пешек была бы очень ограничена».

Таких примеров очень много, но мы уверены, что вам, ребята, понравится следующая старинная задача американского шахматного композитора Ч. Джильберта, опубликованная сто лет назад.

Начиная игру, белые дают в этом положении мат в два хода. Решение задачи в маневре ферзя 1. Фа6—f1! Возникают различные варианты, из которых наиболее красив следующий:

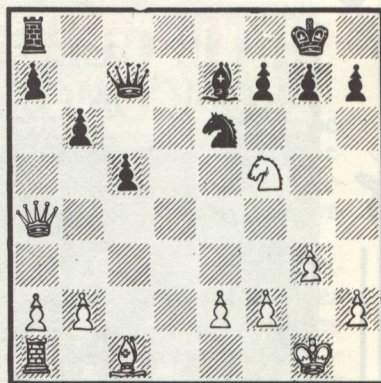
1... Кре5:e6+ 2. Фf1—f5—мат. Обратите внимание на механизм связки. Белый ферзь становится под чetyре удара, но взять его черные не в состоянии.

ШАХМАТНАЯ АЗБУКА ПЕШКИНА

«Что называют в шахматах «вилкой»?». На этот вопрос просит ответить московская школьница **Таня Пономарева**.

«Вилкой» называют нападение одной фигурой или пешкой на две фигуры или пешки противника. Часто встречается очень опасная коневая «вилка», в которой такое нападение осуществляется конем. Вот пример коневой вилки.

Это положение из партии Н. Крогиус — В. Мартюшов, игранной в 1979 году в Саратове, кажется спокойным и примерно равным. Однако, используя «вилку»,

гроссмейстер Крогиус нашел возможность сразу решить исход поединка.

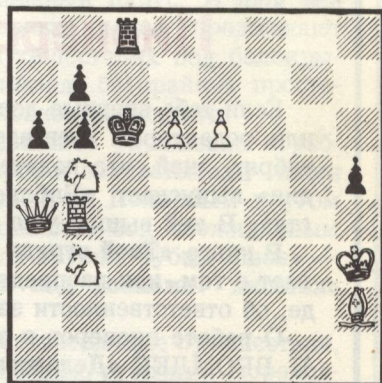
Последовало: 1. Фа4—с6!

Разберите внимательно все ответы черных, и вы убедитесь, что крупные материальные потери для них неизбежны.

В партии было: 1... Фс7:c6 2. Кf5:e7+, и черные сдались.

ЗАДАЧА АЛЕКСАНДРА ПОНОМАРЕВА

Задачу составил кемеровский школьник Александр Пономарев. Она была отмечена призом на одном из конкурсов. Ряд вариантов задачи уточнил судья этого конкурса С. Пугачев.

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в два хода.

Ребята, которые правильно решат задачу и назовут основные варианты решения, будут награждены грамотами.

Шестьдесят лет назад В. И. Ленин выступил перед делегатами III Всероссийского съезда Российского Коммунистического Союза Молодежи.

«Всю ночь мы не спали, шумно беседовали, спорили, уже в поезде обсуждали вопросы, которые нам предстояло решать на съезде. Горячим, заветным желанием каждого из нас было повидать и послушать самого близкого, дорогого человека — Владимира Ильича Ленина». Так вспоминает предсъездовские дни ветеран комсомола Л. Шушпанов.

ДЕЛЕГАТЫ ЕХАЛИ В МОСКВУ

Благодаря живым рассказам очевидцев можем мы спустя шестьдесят лет восстановить подробности тех исторических дней. Сборник «Советуюсь с Лениным» (издательство «Молодая гвардия») и книга Н. Михайлова «На III съезде комсомола» (издательство «Детская литература»), которые мы предлагаем тебе прочитать, соединяют в себе и воспоминания самих участников съезда — комсомольцев двадцатых годов — и комментарии к речи Ленина о задачах Союза молодежи.

Книги помогут тебе проследить, как выполняли ленинские указы все комсомольские поколения нашей страны. Как они учились коммунизму, учились жить и трудиться по-ленински.

Сегодня и ты изучаешь

речь Ленина на III съезде комсомола. Она заставит тебя по-новому посмотреть на занятия в школе, на твое участие в общественной жизни. Ты еще раз задумаешься над тем, что получать знания нужно не только для себя — это необходимо обществу, в котором ты растешь, это большая ответственность перед страной.

В книге «На III съезде комсомола» много фотографий. Перед твоими глазами, как в кино, пройдут основные вехи истории Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Пионерский активист, книги для тебя!

Если тебе впервые доверили быть звеньевым, или редактором стенгазеты, или вожатым октябрят, знай, что издательство «Молодая гвардия» выпускает «Библиотечку пионера-активиста». В ней вышло уже более двадцати книг.

В книге «Твой отряд» Т. ВЕДИНА рассказывает о том, как распределять поручения в отряде, об ответственности за порученное дело.

О работе пионеров в звене говорится в книге Н. БРОМЛЕЙ «Делами звена дружина сильна».

В. МАТВЕЕВ написал три книги о работе с октябрятами: «Твоя звездочка», «Ты и твоя звездочка», «Торжественно обещаю».

«У нас друзья на всей планете» — так называется еще одна книга. Она о том, как организовать клуб интернациональной дружбы, как наладить переписку с зарубежными друзьями.

О тимуровском движении в нашей стране, о самых нужных тимуровских делах расскажет

книжка С. ФУРИНА и Л. СИМОНОВОЙ «Юным тимуровцам».

Физоргам адресована книга А. ИСАЕВА «Олимпийцы среди нас».

В книге «Твой двор» вы прочтаете о том, как устроить игровую площадку, познакомитесь с опытом лучших детских дворовых клубов страны.

Сейчас в серии «Библиотечка пионера-активиста» готовятся к выпуску книги: Н. ЦАРЕВА «Совет друзей октябрят», И. ЗАРАХОВИЧ, Т. ТРУХАЧЕВА «Правофланговый отряд», Н. ХАЛАТОВА «Говорит школьный радиозузел», С. ФУРИНА «Юному корреспонденту».

Надеемся, что они помогут вам в пионерской работе!

Г. ВАСИЛЬЕВА,
 главный библиограф Государственной
 республиканской детской библиотеки РСФСР

«Коммунисты не умирают...»

Хорошую книжку выпустило издательство «Детская литература». Называется она «Человек в огне». Эту книгу написал казахский писатель Магзом Сундетов, перевел на русский язык Виктор Яковенко. Читать повесть будет интересно и взрослым и детям.

Рассказ в книге ведется от первого лица. Четвероклассник Адиль Сарсенов откровенно и непосредственно рассказывает о своей жизни, злоключениях и переживаниях. «Я, наверное, очень ревнивый и плохой. Обиделся на Даулета за то, что его избра-

ли председателем совета отряда, — раз. Обиделся, что все ребята отвернулись, не уважают меня, как раньше, — два». И вот в душе этого «невезучего» десятилетнего человека растет желание сделать настоящее, доброе дело. «И мне захотелось во что бы то ни стало спасти хотя бы пару птиц. Пусть в этом нет никакого подвига, но ведь приятно чувствовать, что ты спас какое-то живое существо, будь то сайгак, косуля или птица».

Со своим другом Есеном отправляется Адиль на озеро, где вода перемешана с нефтью и куда, не ведая беды, садятся усталые от перелета птицы и уже, отяжелев от нефти, не могут взлететь...

Каждый из нас поймет и разделит радость ребят: «Красив полет птицы, спасенной тобою! Смотри, как она плывет в небе... Летит и парит».

Эта повесть о мужестве и доброте, любви к природе, становлении характера... Эта

повесть об отношениях взрослых к детям и детей к взрослым, об ответственности детей за продолжение дела отцов.

Она дает возможность читателю, не бывавшему в тех краях, наглядно представить себе природу Казахстана, народные обычаи, быт и труд живущих там людей. Мы видим нефтяные вышки, похожие на «журавлей, которые спят, поджав под себя ногу», и клин перелетных птиц, который «выгибается дугой, будто натянутый лук», и доброго дедушку Адилья — старого чабана, борода которого «так пахнет солнцем». Мы запомним дедушкин рассказ о первом нефтянике аула коммунисте Актае, сожженном врагами Советской власти. «Пройдет много лет, а народ будет помнить о нем. Не забудет Человека в огне... И то, как он держался и как кричал, окутанный пламенем: «Коммунисты не умирают».

О. БЕЛИКОВ

НЕ ПРОПУСТИ: НОВАЯ КНИГА

НАД ВОЛНАМИ — ПАРУСА

Сколько раз каждый мальчишка и девчонка провожали взглядом удаляющийся вдаль белоснежный парус. В наш век мощных авианосцев, атомных подводных лодок продолжают мечтать ребята о дальних морских путешествиях под белокрылыми парусами. Для них парус — символ бескрайних просторов, необыкновенных приключений, ловкости и отваги.

А между тем паруса — «не праздничное украшение корабля... Их поливали дожди средних широт и захлестывали ливни тропиков. Они покрывались коркой льда за Полярным кругом и со звуком пушечного выстрела лопались под неожиданным ударом шквала. И тогда их пересекали грубые рубцы швов» — так начинается свой рассказы «Паруса над волнами» писатель Н. Внуков.

Тех, кто откроет эту книгу, ждут увлекательные путешествия, которые они совершат вместе с отважными русскими мореплавателями на парусных судах «Нева» и «Аврора». Вы сможете побывать на острове Кокос — знаменитом Острове сокровищ, который описал в своем романе Роберт Л. Стивенсон. Вам предстоит встретиться с «джентльменами удачи», настоящими пиратами отряда Джона Моргана, плававшими в XVII веке по Карибскому морю. На иллюстрациях художника Р. Яхнина вы увидите корабли разных времен и народов.

Попутного ветра вам, читатели!

Л. ФОМИНА

УМА ПАЛАТА

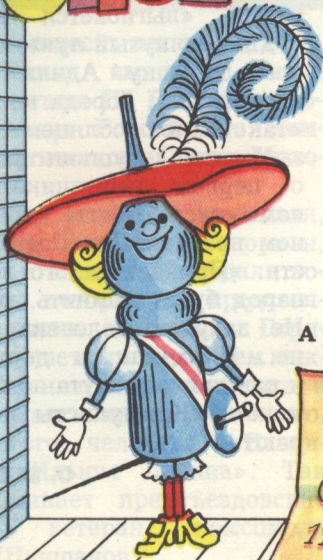
Ответственный дежурный Никита Разговор. Рисунки А. Васильева.

Капитан Перо

ищет помощника

НОВЫЙ ШИФР

КАРАНДАШЕЙ

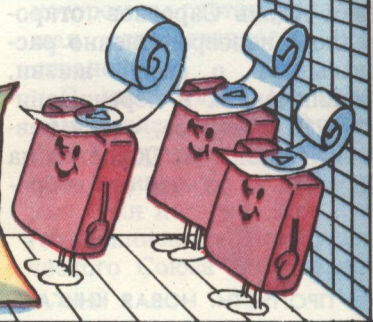

Разведчики резинок перехватили записку карандашей. Из этой записки было ясно, что шифр новый, но никто из резинок не мог подобрать к нему ключа. С огорченным видом резинки явились ко мне. Действительно, не легкая задача, подумал я. И долго вертел в руках клочок бумаги. Наконец мне бросилось в глаза, что хотя чисел очень много, но ни одно из них не превышает 32, то есть числа букв в алфавите. Математические действия показались мне слишком усложненными. А может быть, подумал я, все эти «х» и «у», скобки и арифметические знаки даны лишь для отвода глаз, и нужно просто... Проверьте мою догадку!

Капитан Перо.

А вот и эти цифры:

$$\begin{aligned}
 &(3x+18y+6z) \cdot 13 + (18y-15x+2z) \cdot \\
 &17 + (1z+19y+29x) \cdot (18+32) - (3x+15y) = \\
 &(3x+19y+15z) \cdot (17x+14y+9z) \cdot \\
 &11 + (14x+1y) \cdot (5x+3y+15z) \cdot (17y+6x)
 \end{aligned}$$

Хитрый Икс + Ра + Та

Иры, дед
Буквоеда

С хитрым иксом я дружу,
По секрету вам скажу,
Выбегая из тетрадки,
Задаст он мне загадки.

Кто ответит, например,
Что такое икс + р.

Думал я весь день вчера,
Что такое икс + ра.

Подсказал мне старший брат,
Что такое икс + рат.

Догадался я без брата,
Что такое икс + рата.

Не решила вся квартира,
Что такое икс + Ира.

Долго мучил я соседа,
Что такое икс + реда.

Икс + н + ра + та,
То с бензином, то пуста.

Икс + та + на + ра.
Кто решил, тому «Ура».

Дед Буквоед.

$$\begin{array}{|c|c|c|} \hline \text{Ж} & \text{У} & \text{К} \\ \hline \text{Ж} & \text{У} & \text{К} \\ \hline \end{array} + \begin{array}{|c|c|c|c|} \hline \text{В} & \text{Е} & \text{Р} & \text{А} \\ \hline \text{Т} & \text{Р} & \text{О} & \text{С} \\ \hline \end{array} = \begin{array}{|c|c|c|c|c|c|} \hline \text{К} & \text{Р} & \text{У} & \text{Ж} & \text{Е} & \text{В} & \text{А} \\ \hline \text{С} & \text{Т} & \text{Р} & \text{У} & \text{Ж} & \text{К} & \text{А} \\ \hline \end{array}$$

МАРКИ

Друзья! Страна Фантазия —
Чудесная страна.
Она разнообразия
И выдумки полна.
Там марки очень странные!
Получше рассмотри:
Увидишь, в каждой — «фауна»
Припрятана внутри!

СТРАНЫ

Действительно, если присмотреться, то на каждой марке можно отыскать какое-нибудь притаившееся живое существо. Нарисованы они там не зря, а должны соответствовать характеру отправляемого письма. Например: марка с поросенком наклеивается, если друг давно не отвечает на письма, и т. д. Найдите всех, кто спрятан, и напишите, какая марка, по вашему мнению, какой цели служит.

Лула и Пинцет.

ФАНТАЗИЯ

Забейте мяч в ворота!
Непросто сделать это!
Путь требует расчета.
Смелей!

Жду ответа!

Живживка.

Примечание: учтите, что мяч следует вести последовательно с белого на черный кружок, затем с черного на белый и т. д.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 8

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Слова-невидимки такие: шляпка — плюшка, сокол — колос, карета — ракета, камыш — мышка, коршун — шурурок, салат — атлас, топка — капот, пальто — лапоть, сосна — насос, корма — комар.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Остров сокровищ. Сокровище зарыто на нижней части плана, в точке, расположенной на продолжении правой стороны маленького квадрата сверху.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

И — Того
Пинцет уверен, что все ребята насчитали 72 марки.
Дед Буквоед благодарит всех ребят за присланные ответы.

САМИ О СЕБЕ

Картофельный десант

Прошлой осенью мы ездили убирать картофель. Помогала наша школа колхозу «Правда». Всю неделю выезжали в девять часов, возвращались вечером. В автобусе было весело, пели песни, шумели. А на поле приходилось сначала трудно: кусты сидели прочно в земле. Иногда их даже не могли выдернуть, совсем как в сказке про репку: один за другого брались. Мальчишки помогали девочкам (конечно, не все): носили нам ведра, подкапывали клубни. Случалось, и баловались: швырялись той же картошкой. Были у нас и конфликты, споры, но они быстро разрешались.

Последние дни мы только подбирали картошку за копалкой. Это гораздо легче. А вообще мы почувствовали: когда как следует поработаешь, за едой весело. В столовой обсуждали, кому надо помочь, кто перевыполнил норму...

Хорошо бы нас и в нынешнем сентябре послали работать.

Марина БЕЛЫХ,
г. Белово, Кемеровская область.

В кабинете-светофор

Недавно наш класс ходил на экскурсию в профессионально-техническое училище № 12. Сначала в кабинете литературы нам рассказали о профессии маляра-строителя. Нашей стране очень нужны маляры, штукатуры, строители, шоферы. Во время беседы мы все разглядывали кабинет, красиво оформленный и окрашенный. Наконец не удержались и спросили: «Чья это работа?» И услышали: «Девочек-первокурсниц». Увидели мы и другие кабинеты: физики, химии. Но самым интересным показался нам тот, где учатся будущие шоферы. Помещение оснащено современной техникой, специальными вычислительными машинами. К потолку подвешена маленькая модель светофора. Учитель нажимает на кнопки, и загораются поочередно лампочки на ней. За доской — экран, он нужен, когда показывают учебные фильмы.

Этой экскурсией мы остались так довольны, что некоторые ребята думают прийти сюда учиться.

Оля ТУРДЫЕВА,
г. Чирчик, Ташкентская область.

СОДЕРЖАНИЕ

Съезд родной партии. З. Воскресенская. Рисунок Д. Варабаша	II обл.
Дискуссионный клуб «За и против»	
Человек приходит из детства. Документальное повествование для детей и взрослых Л. Симоновой. Рисунок С. Трофимова	2
Первое сентября. Я сплел лукошко. Жестяной петух. Стихи Г. Рахима. Перевел с татарского Р. Вухараев. Рисунок П. Прокурова	13
Две медали. Алеша. Рассказы А. Босева и С. Алексеева. Рисунки В. Донскова	14
Пятилетка, в которой работать тебе	
Стальные дороги Отчизны. И. Павловский. Рисунки Н. Ермолаева	16
На просторах Родины	
Тынду строят москвичи. В. Сунгоркин. Фотография А. Лехмуса	19
Памятник учителям. Стихотворение А. Дуйсенбиева. Перевел Р. Фархади	20
Самый первый урок. Фотография А. Козина «Кораблик»	20
Бой солнечных часов. Повесть И. Голубевой. Рисунки В. Дудкина	22
Боевой листок. Рисунок Д. Варабаша	24
Фотолетопись «Пионера»	33
Международный пресс-центр «Пионера». Рисунок Е. Шабельникова	34
К шестисотлетию Куликовской битвы	36
Куликовская битва: Я. Гордин. Рисунки С. Харламова, Н. Григорьевой	40
«Пионерский вернисаж	
Обо всем — и по-своему! С. Богатырева	46
Красная тетрадка	47
И снова Муфта, Полботинка и Моховая борода. Сказка Э. Рауда. Перевел с эстонского Л. Вайно. Рисунки Л. Хачатряна	48
В стране шаха — владыки черных и белых полей	58
Что нам читать?	60
Ума палата	62
Сами о себе	64
Переменка	III обл.
Раскрыта книга. Музыка Ю. Чичкова. Слова К. Ибряева. Рисунок Д. Варабаша	IV обл.
На обложке:	
Разноцветный сентябрь. Рисунок В. Дудкина.	

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1980.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24.06.80.
Подписано к печати 24.07.80. А 10073.
Формат 84×60¹/₈. Offsetная печать.
Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 2001. Заказ № 2623.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Какие птицы живут в Южной Америке?

Ученик. Большие попугаи ара и маленькие попугайчики колибри.

А. РАЙСНЕР,
г. Хабаровск

Учитель. Расскажи, что ты знаешь о кенгуру?

Ученик. Это животное, которое в сумке носит ребят.

Ира ОРЛОВА
и Лена ЛЯМИНА,
г. Киров

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Опиши расположение молекул в воздухе.

Ученик. Они летают, куда следует и куда не следует.

Ира К. и Света Г.,
Пермская область

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Что такое однородные предложения?

Ученик. Это такие члены предложения, которые всегда вместе.

Люда ИВАНОВА,
Ворошиловградская
область

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Почему дуют ветры?

Ученик. Потому что деревья шевелятся.

Кира МАЛЬШЕВА,
г. Якутск

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Рома, рас-

скажи, как казаки слушали Тараса Бульбу?

Ученик. Они слушали речь Тараса, потупив головы в землю.

Оля ЗАЛАДИНА
и Наташа ДЕДОВА,
г. Волжск

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

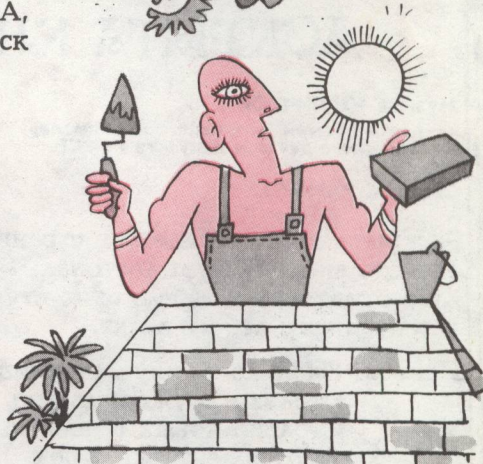
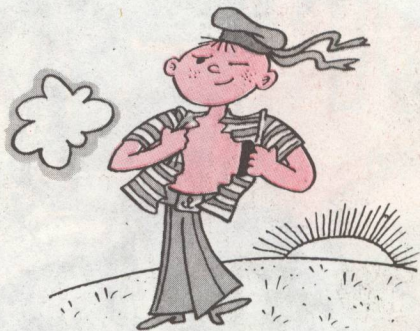
Учитель. Из чего строили пирамиды?

Ученик. Из силикатного кирпича.

Анжела КИЛЬДЖИЕВА,
с. Перво-Николаевск

МУМУ

Из школьных сочинений

«Тельняшка у него была распахнута настежь».

«На крышах еще отсиживается снег».

«Мы шли на четвереньках по Кавказу, потому что ноги болели в пятках».

«Благодаря неусыпным попечениям Герасима Муму быстро превратилась из дворняжки в собаку испанской породы».

«На Вите была чистая рубашка и грязные уши».

«Нина увидела собаку и залаяла».

«Роза — прекрасный цветок. Она похожа на капусту».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

РАСКРЫТА КНИГА

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ленинского комсомола,
заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Слова К. ИБРЯВА.

Раскрыта книга. Шелестят страницы.
Иль это вновь бушует листопад,
Когда сентябрь к тебе в окно стучится
И в небе гуси-лебеди летят.

Припев: Сколько в книге страниц,
Столько дружеских лиц,
Столько новых героев мы встретим.
Вьются ленточки строк,
Словно ленты дорог,
Убегающих вдаль,
Убегающих вдаль
На рассвете.

Страницы книг порой шумят, как флаги,
Когда из книг нам руку подает
Наш верный друг, всегда живой Корчагин
И славный гордый рыцарь Дон Кихот.

Припев.

Страницы книг сродни могучим крыльям —
Листай, лети хоть прямо на Луну.
Раскрыта книга — значит, мы открыли,
Опять открыли новую страну.

Припев.

Цена 25 коп. Индекс 70694.

ISSN 0130—8009

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает следующие части:

- Не быстро
- Хор
- Часть хора
- Припев
- Для повторения
- Для окончания

Текст песни и ноты расположены на нескольких страницах, соответствующих страницам книги.